

Тайна
дома
на набережной

Мистическая Москва

КСЕНИЯ
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Тайны и легенды большого города

Ксения Рождественская
**Мистическая Москва.
Тайна дома на набережной**

«ЭКСМО»

2014

Рождественская К.

Мистическая Москва. Тайна дома на набережной /
К. Рождественская — «Эксмо», 2014 — (Тайны и легенды
большого города)

Актрисе Маргарите Торовой повезло, она живет в самом центре Москвы в знаменитом Доме на Берсеневской набережной, и вот уже третий месяц к ней в гости приходит... привидение. Женщина в панике и, кажется, сходит с ума. Тогда ее муж обращается за помощью к историку Александру Степанову, который уже разбирался в подобных удивительных случаях. Вместе со своей подругой Людмилой, офицером полиции, Саша берется за дело. Им непременно нужно выяснить, кто такая девушка в белом платье, с венком из ромашек на голове? И почему призрак преследует именно актрису Торову? А тем временем мистические события в Доме на набережной продолжают – сначала одно, затем второе самоубийство, вскоре находят труп и третьей соседки Маргариты по проклятому дому. Все так необычно, так зыбко... Неужели здесь и правда бесчинствуют потусторонние силы?..

Содержание

Глава 1 1937 год	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6 Наши дни	31
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ксения Рождественская

Мистическая Москва.

Тайна Дома на набережной

Глава 1 1937 год

Анна оторвала голову от подушки и прислушалась. Какое странное чувство – словно за тобой наблюдают чьи-то невидимые глаза. Наверное, это из-за переутомления.

Она в последнее время слишком много работает. Так нельзя. И мама говорит то же самое. А вот папа, который всегда считал, что только труд способен облагородить человека, дочку поощряет. И ее, Аню, воспитывает в том же духе. Может, поэтому она и отдает всю себя нелюбимой, но очень нужной работе. Ведь что может быть благородней профессии врача? Да ничего! В этом она уверена.

С детства Анна боялась крови. А еще терпеть не могла слюней и слез, то есть всего того, чем славятся милые взрослому сердцу карапузы. Хорошо, что у нее нет ни братьев, ни сестер. Хотя от старшего брата Аня бы все-таки не отказалась.

В общем, обладая всеми этими качествами, она выбрала профессию педиатра. Ни больше ни меньше. Хотя, будь на то ее воля, стала бы хирургом. Но больницы нуждаются в детских докторях, и милая старушка, принимая у Ани документы в медицинский институт, уговорила ее выбрать именно такую специальность.

Анна потом долго удивлялась, почему послушала старушку и пошла осваивать нелюбимую профессию, но тогда размышлять было некогда – с утра лекции, вечером подработка в военном госпитале. Да и папа спуска не давал. В недавнем прошлом армейский командир, он привык просыпаться в пять утра и ложиться после полуночи. Мама так не умела. Она работала в столовой госпиталя и шла домой строго по расписанию. Глядя на осунувшуюся дочь, торопливо заталкивающую в себя ужин, мама качала головой и ворчала:

– Ох, Анька, не доведешь ты себя до добра. Где это видано, чтобы спать всего четыре часа в день? И ладно, если бы была необходимость...

– Необходимость есть, – отвечала Анна. – Мне нужно приобретать практические навыки. Иначе какой из меня врач получится? И потом, папа всю жизнь так живет, и ничего, дюжит...

– Что ты сравниваешь себя и здорового мужика? Да твой отец до ста лет в таком темпе выдержит. На то он и мужчина. У мужиков другой интерес, они живут любимым делом. А мы, женщины, должны им эту возможность предоставлять. Да и природа наградила нас другой конституцией. Мы мягче, слабее, выдержка у нас совсем не та.

– Это ты о себе говоришь, мама? – усмехалась Анна. – Поверь мне, не каждая женщина слаба, и не каждый мужчина вынослив. Все зависит от характера.

– «От характера», – передразнивала ее мама. – Да при чем здесь характер? Если у меня в руках нету силы, а глаза после девяти вечера слипаются, то, каким бы ни был мой характер, я все равно уткнусь носом в подушку и просплю до следующего утра.

– У тебя просто нет цели, – улыбалась дочь. – Тебе и так хорошо.

– А тебе плохо? – удивлялась мама. – Ты посмотри вокруг! – обводила она рукой стены кухни. – Разве год назад мы могли подумать, что будем жить в таких шикарных условиях?

– К чему ты ведешь?

– Да к тому, что у меня теперь только одна цель – выдать тебя замуж и с внуками нянчиться.

Анна смешно кривила нос. Замуж... Да кому охота возиться с сопливыми малышами? Вот работа – это да... Возможно, ей и не придется лечить простуду у сопливых ребятишек. Нужно будет через год попробовать перевестись на другое отделение. Авось повезет и все-таки удастся стать хирургом.

В этом месте переставала думать о том, что говорила мама, и переключалась на прослушанные лекции, чтобы освежить в памяти пройденный материал. Мама только вздыхала и принималась бренчать тарелками, складывая их в мойку, очевидно, давая понять, что мечтала не о такой дочери. Наверняка бы ей хотелось, чтобы ее кровиночка не бредила скальпелями, операциями и тяжелобольными, а было бы просто замечательно, если бы дочка сидела в кресле с вязаньем или вышиваньем и делилась с ней житейскими новостями, пусть немного скучными, но такими важными.

Но что бы мама ни думала, вслух она этого не произносила. Хотя и очень хотела. Приходилось уважать выбор дочери, даже если и не могла с ним смириться. Как в свое время смирилась с желанием мужа поработать на правительство. Смирилась, потому что любила. А когда любишь, то готова на все. Даже на смерть...

Сейчас Анна некоторое время напрягала слух, а потом успокоилась. Ничего особенного – ни чужих глаз, ни осторожных шагов. Это все ее взбудораженные нервы. Шутка ли, спать по три-четыре часа в день! Хорошо, что мама этого не знает. Иначе бы легла вместе с дочкой и строго-настрого запретила включать лампу под одеялом, как та обычно делает.

Аня натянула одеяло на голову и свернулась калачиком. В доме стояла пронзительная тишина. Даже папа давно лег спать. Завтра воскресенье. Единственный день, когда можно позволить себе поваляться подольше, и, казалось бы, одна только эта мысль должна унести ее в царство Морфея. Однако сон, словно нарочно, бежал прочь. Аня гладела на темный квадрат окна и пыталась привести свои мысли в порядок. Вот уже третью ночь она просыпалась в одно и то же время от странных шагов, едва различимых в ночной тишине. Пару раз до нее явственно доносился стук каблуков, а однажды в стену что-то ударило, как будто кто-то подал ей знак. Только что за знак? И кто может ходить за стеной, если там ничего нет? Бред какой-то...

Похоже, она действительно слишком много работает. Наверное, мама права. Женщины не такие выносливые, как мужчины, даже если старательно пытаются всем это доказать. Но себя не обманешь. Человеческий организм – очень хитрый механизм. Он не позволит себя истязать. Только тебе начнет казаться, что ты почти всемогуща, а тут раз – и случится сбой. Вот как сейчас. Вместо того чтобы спокойно почивать, она пялится в пустоту и думает непонятно о чем. Спать! Быстро спать! На неделе снова будут ранние подъемы и поздние укладывания. И как бы ни хотелось сделать для себя хотя бы небольшую передышку, все равно ничего не получится, потому что такой у нее характер. А против характера не попрешь.

Анна сама не заметила, как уснула. И уже не слышала ни осторожных шагов, вновь прозвучавших за стеной, ни тихого, едва различимого разговора. Она мирно посапывала в своей кровати и видела сон. Вот она, молодая специалистка, стоит возле операционного стола, а лучшие люди страны доверяют ей свои жизни. Анна улыбается и протягивает руку за скальпелем. Ассистентки серьезны и почтительны. У них все готово. Анна строго следит за дисциплиной, абы кто рядом с ней не работает, только самые ответственные, самые лучшие, самые-самые...

Губы Анны приоткрылись, дыхание стало ровным и спокойным. Во сне она была, как никогда, близка к осуществлению своей самой заветной мечты.

– Анна, дрыхнешь? – послышался строгий голос отца, и Аня тут же распахнула глаза.

Несколько секунд она приходила в себя, пытаясь понять, где находится, и только когда взгляд остановился на лице папы, она облегченно вздохнула и широко улыбнулась.

– Если долго спать, проспишь все самое интересное, – сообщил отец и присел на край кровати.

Они очень любили друг друга. Иногда мама даже обижалась, считая, что ее отодвинули на второй план. Но Аня всегда находила слова, чтобы ее успокоить.

– Просто мы с папой на одной волне, – говорила она и целовала маму в щеку.

– Ну-ну... – вздыхала та и украдкой смахивала слезу.

А они и в самом деле были на одной волне. Анна, например, всегда точно знала, когда папа придет с работы. Тот же постоянно угадывал, чем ее порадовать. Он часто исхитрялся притащить что-нибудь вкусенькое, а ведь далеко не каждая семья могла похвастать продуктовым ассортиментом. Вернее, практически вся страна жила почти впроголодь, а папа умудрялся приносить апельсины и копченую колбасу. «Отхватил!» – говорил он в таких случаях и весело подмигивал. А мама тяжело вздыхала.

Аня не могла понять, почему мама не радуется возможности взять в рот ароматный кусочек колбаски и, закрыв глаза, наслаждаться неземным вкусом. Или положить на язык дольку апельсина и, нажав на нее зубами, ощутить на нёбе кисло-сладкий цитрусовый сок.

Пару раз она пыталась узнать, что же маму так расстраивает, но та лишь качала головой и переводила разговор на другую тему. Правда, папа тоже не стремился откровенничать с дочкой. Мало того, строго-настрого запрещал ей рассказывать подругам о продуктовых наборах, так радующих ее душу. Аня рано поняла, что в этой жизни есть некоторые вещи, о которых лучше помалкивать. Почему? Она и сама не знала, но какой-то безотчетный страх заставлял ее держать рот на замке.

– Сколько времени? – спросила Аня, сладко потягиваясь.

– Половина десятого, – усмехнулся отец. – Я уж было подумал, что ты прихворнула, раз до сих пор валяешься в постели.

– Ну как тебе не стыдно, Глеб? – возмутилась мама, заглядывая в комнату. – Девочка и так практически не спит! Дай ей отдохнуть как следует.

– А я разве не дал? – удивился отец. – Половина десятого! Эдак можно так себя расхолодить, что потом не соберешь.

Мама осуждающе покачала головой, но больше ничего не сказала.

– Как твои дела? – тихо спросил отец, так, чтобы не слышала мама. – Вигорский уже допустил тебя до операций?

– Пока я только готовлю инструменты, – так же тихонько ответила Аня. – Но очень скоро смогу бывать в операционной и наблюдать за его работой.

– Старайся, дочка. – Папа погладил ее по голове. – Только труд делает человека...

– ...человеком, – закончила она. – Правда, мама так не считает. Для нее самое главное семья и дети. Не понимаю, как вы вообще нашли друг друга?

– Ты осуждаешь маму? – грозно спросил отец, а у самого в глазах запрыгали смешинки.

– Вовсе нет. Я ее очень люблю. Но мне всегда казалось, что брак должен опираться на схожие интересы и общность взглядов, а у вас все... слишком разное, что ли...

– Ты ошибаешься, дочка. Мы смотрим в одну и ту же сторону. Только по-разному.

– А разве так бывает?

– Конечно, бывает.

– И в чем же схожесть ваших суждений?

– Мы оба хотим, чтобы ты была счастлива! – Папа щелкнул ее по носу.

– А разве это может быть целью всей жизни? – удивилась Аня.

– Только это и может. Что для человека самое главное? Оставить после себя след. А самый яркий и значимый след – это ребенок, твое собственное продолжение. Ты – мое продолжение. И мамино. И мы оба тобой очень гордимся. Только я считаю, что тебе нужно больше

работать, чтобы достичь результата, а мама, наоборот, хотела бы, чтобы ты сбавила обороты. Потому что волнуется за твоё здоровье.

– Как странно ты говоришь, – задумчиво произнесла Анна. – Я раньше никогда об этом не задумывалась. А получается, что ты прав.

– Конечно, я прав. Если бы мама работала так же много, как я, разве бы мы с тобой могли двигаться к нашим целям? Нет. Потому что нам бы пришлось организовывать быт вместо того, чтобы заниматься работой.

– Какой ты умный, папочка!

Анна потянулась и поцеловала отца в колючую щеку.

– А ты вся в меня. Беги, умывайся, завтрак стынет...

Аня откинула одеяло и пошлепала в ванную.

Вот уже год её семья жила в своей шикарной квартире на Берсеневской набережной, а она все не переставала удивляться этой роскоши. После барака с общей кухней и холодной водой, идущей по расписанию, просто не верилось этому счастью – жизни в собственной квартире со всеми удобствами, с широкой лестницей, с парадным и черным лифтами, а также с кинотеатром, магазинами, парикмахерской и спортзалом на первом этаже дома.

Она включила воду, и та веселой струйкой тут же потекла в белоснежную ванну. Надо же, прошел целый год, а её все еще поражали чудеса цивилизации. Когда Аня сообщила своим знакомым, что перебирается в этот дом, то увидела самую разную реакцию. В чьих-то глазах прочитала неприкрытую зависть, в других – откровенный страх. Некоторые даже перестали с ней дружить, хотя раньше вполне мило общались. Особые разговоры вызвал десятый подъезд, в который перебралась их семья. Пашка Соболев точно что-то знал об этом подъезде, но на все расспросы отвечал неизменным молчанием. А потом и вовсе прекратил с ней разговаривать.

Аня пыталась выспросить причину такого его поведения у Пашкиных друзей, но те лишь недоуменно пожимали плечами. А потом она перестала обращать внимание на разговоры за своей спиной, посчитав их за черную зависть.

– Доча! Ты там уснула, что ли? – слышался голос отца.

Анна, быстро поплескав на лицо прохладную воду и наскоро утеревшись полотенцем, пошла на кухню.

На столе стояли тарелки, в которых дымилась горячая овсяная каша, на большом блюде лежали бутерброды с колбасой и сливочным маслом, в чашках розовело какао. Аня быстро шмыгнула на свое место и с удовольствием придвинула к себе кашу. Она всегда была непривередливой в еде, но когда выпадала возможность полакомиться чем-нибудь вкусненьким, никогда не отказывала себе в этом удовольствии.

– Папа, а ты по ночам ничего странного не слышишь? – вдруг решила спросить девушка, положив рядом с тарелкой бутерброд.

– Что значит – странного? – нахмурился отец.

– Ну, шаги, постукивание...

– Нет... – медленно протянул он и положил на стол ложку. – А ты разве слышишь?

– Иногда.

– Когда это было в последний раз?

– Вчера. И позавчера тоже.

Мама бросила быстрый взгляд на мужа, и Аня насторожилась.

– Но ты не можешь ничего слышать, – неожиданно хриплым голосом произнес отец. – Стена твоей комнаты примыкает к шахте лифта.

– И тем не менее я слышала, – упрямо повторила Анна и с вызовом посмотрела на отца.

В глазах у того засветилась неприкрытая тревога.

– По-моему, девочка переутомилась, – громко сказала мама. – Я же говорила, что нельзя столько времени проводить за работой. Организму нужен полноценный отдых. Особенно креп-

кий, здоровый сон. А ты, Анечка, полночи торчишь под одеялом с лампой, читая и портя глаза, а потом никак не можешь заснуть. Вот тебе и мерещится разная ерунда.

– Ты читаешь под одеялом? – грозно спросил отец, но в его голосе проскользнули фальшивые нотки.

– Откуда ты знаешь? – Анна удивленно воззрилась на маму.

– Ты не думай, если я ничего не говорю, это не значит, что я ничего не замечаю, – грустно ответила она. – Просто я не хочу лезть в твою жизнь и вторгаться в твоё личное пространство. Однако от моих советов тебе все равно не отмахнуться.

– Вот что, доча, – решительно сказал отец, – с этого дня я запрещаю тебе ложиться спать позже полуночи.

– Папа! – воскликнула она. – Но я не успею подготовиться к лекциям!

– Значит, будешь уходить пораньше со своей практики. Мама права. Если тебе начали мерещиться всякие глупости, значит, пора приостановиться.

– Но ты же сам говорил: для того чтобы добиться результатов, нужно много работать! – со слезами на глазах воскликнула Аня.

– Говорил. И от своих слов не отказываюсь. Но иногда нужно немного передохнуть, чтобы набраться новых сил. И еще... – Он побарабанил пальцами по столу. – Пожалуй, в твоей комнате пора сделать ремонт.

– Но мы делали его год назад, – растерялась дочь.

– Мне разонравились обои. И окно требует починки. Скоро зима, опять будет дуть. Я найду мастера, который сделает все на совесть.

– А такие есть? – хмыкнула Анна.

– Найдутся. Особенно когда узнают, что ремонт нужно будет делать в этом доме.

– А наш дом какой-то особенный?

– Да, особенный. Его построили специально для тех, кто много сил отдает своей стране. А я тружусь, не жалея ни времени, ни сил. Люди понимают это и уважают наш труд. Потому и стараются.

Мама едва заметно фыркнула, но тут же сделала вид, что поперхнулась какао. Анна подозрительно посмотрела на нее, но та приняла невозмутимый вид, и девушка снова устала на отца.

– А мне почему-то кажется, что не уважают, а завидуют, – сообщила она и откусила от бутерброда с колбасой.

– И это тоже, – кивнул глава семьи. – Людям свойственна зависть. Особенно если вокруг нет равенства.

– Как это нет равенства?! – возмутилась Аня. – Разве революцию осуществили не для того, чтобы все люди стали равны?

– А что в твоём понимании «равны»? – тихо спросил отец.

– Это когда нет богатых и бедных, когда каждый имеет право на образование и работу, – уверенно ответила она.

– В какой-то мере именно так, – кивнул папа. – Но это далеко не все. Кроме того, что ты перечислила, существуют и простые человеческие радости. Например, вкусно поесть, мягко поспать. У нас такие радости есть. А многие люди их лишены. Помнишь барак, в котором мы жили много лет?

Аня кивнула.

– Ты бы хотела туда вернуться?

– Вернуться? – В ее глазах заплескался ужас. – Да ни за что!

– Вот видишь... Мы смогли выбраться из тех ужасных условий, а остальные люди вынуждены прозябать в них всю жизнь. Без всякой надежды хоть как-то улучшить ее. А ведь если

рассуждать по справедливости, то каждый из них имеет такое же право жить хорошо, как мы. В этом и заключается равенство.

– Я никогда об этом не задумывалась, – пробормотала Аня.

– И лучше никогда не думай, – подхватил отец. – И вот еще что. Не вздумай озвучить эту мысль в институте. Или друзьям.

– Почему?

– Потому что считается, что в нашей стране все живут счастливо. А тех, кто с этим не согласен, наказывают.

– За что?!

– За собственное мнение. В общем, будь хорошей девочкой и ни с кем не делись своими мыслями. Поняла?

– Поняла, – кивнула она.

– И дома тоже старайся поменьше говорить на эту тему.

– Ты хочешь сказать, что я не могу доверять тебе и маме? – засмеялась Анна, потому что последняя мысль показалась ей жутко забавной.

– Не нам, а стенам вокруг нас. У них тоже бывают уши, – серьезно ответил папа и принялся молча поглощать завтрак.

Глава 2

– Привет, дочь командарма! – послышалось откуда-то из-за спины.

Анна оглянулась и увидела Вовку, изо всех сил размахивающего руками.

– Привет! – крикнула она в ответ.

Пожалуй, Вовка был единственным человеком, которому Аня могла доверять в своем окружении. И не потому что тот был таким уж хорошим, а потому что знала: она ему нравится. Конечно, Вовка не говорил об этом прямо, но женщина всегда способна почувствовать отношение мужчины к собственной персоне.

С тех пор как Анина семья переехала в новый дом, прежние друзья как-то сами собой рассосались. Знакомые из барака теперь к ней и носа не кажут, а закадычная подружка Лида просто перестала с ней разговаривать. Аня не могла понять причины такого странного поведения и время от времени пыталась поговорить с Лидой, но та упорно отказывалась от встреч. Может, виной всему внезапный арест ее отца? Это случилось как раз накануне их отъезда из барака. Лида тогда горько плакала, а мама ее чуть не покончила с собой, напившись каких-то таблеток.

Аня очень переживала вместе с подругой. Даже просила папу, чтобы тот по своим каналам узнал, за что забрали Ивана Яковлевича. Но отец, бледный от волнения, только покачал головой и пробормотал что-то по поводу программы партии. Анна ничего не поняла. А через день они уехали из барака и после уже с Лидой больше не общались.

В институте Аня обзавелась новыми друзьями. Но это было все не то. Кто-то дружил с ней из-за ее положения, то есть зная, где она живет, другие пользовались добротой девушки и бесстыдно списывали домашние задания. По-настоящему верным другом стал только Вовка Сергеев. По причине личного интереса.

– А я тебя тут жду, – сообщил Вовка, протиснувшись сквозь бурлящую толпу.

В отличие от Ани, Вовка очень хотел стать именно детским доктором. Его сестренка умерла в младенчестве, и он во что бы то ни стало решил найти средство от всех на свете смертей. Анна посмеивалась над его потугами, но не отговаривала. Зачем? Должна же быть у человека какая-то мечта!

– Ты почему вчера в кино не пошла? – обиженно спросил он.

– В кино? – Аня растерялась.

– Я тебя, между прочим, ждал. Целый сеанс пропустил, скакал то на одной ноге, то на другой. На улице не май!

– Ой, Вовка! – вскрикнула Аня, хлопнув себя ладошкой по лбу. – Я же забыла совсем!

– В принципе я так и подумал, – хмыкнул приятель. – У тебя в мозгах полный бардак.

– А почему ты не зашел?

– Почему? – Он тут же поскучнел. – Не догадался. Думал, ты сильно занята, раз не явилась на свидание.

– А у нас должно было быть свидание? – хитро улыбнулась девушка.

– Ну, уж если ты этого не поняла, тогда у тебя действительно проблемы! – развел Сергеев руками.

Прозвенел звонок. Анна дернулась и, схватив Вовку за руку, бросилась в аудиторию. Лектор уже стоял у доски и с неудовольствием взглянул на опоздавшую парочку. Аня торопливо поздоровалась и потащила Вовку к задним рядам.

– Мы же всегда сидим впереди, – зашептал он, спотыкаясь о ступеньки.

– А сегодня сядем сзади, – ответила Анна.

– Почему?

– Мне нужно с тобой поговорить.

Задний ряд пустовал. Студенты предпочитали держаться поближе к лектору, чтобы не пропустить ни одного слова из его речи. Сейчас до Ани долетали лишь отдельные слова, но сегодня ее это мало волновало.

– Что случилось? – прошипел Вовка, когда они уселись за парту. – Надеюсь, что-то очень важное? Иначе я заставлю тебя изучить сегодняшний материал и пересказать его мне в доступном и понятном виде.

– Да подожди ты со своим материалом! – отмахнулась девушка. – Лучше слушай внимательно.

– Кого? Лектора?

– При чем здесь лектор? Меня слушай!

– Ну, слушаю, – кивнул смирившийся Вовка и уставился на нее.

– Ты что-нибудь знаешь о том доме, где я живу?

– А тебе зачем? – осторожно спросил он.

– Надо.

– И все-таки?

– Мне кажется, от меня что-то скрывают, – твердо сказала Анна и посмотрела Вовке в глаза.

– Кто скрывает? – не понял тот.

– Родители.

– А что они могут скрывать?

– Вот это мне и интересно.

– Если бы я жил в таком доме, я бы не стал задумываться о такой ерунде.

– У тебя тоже неплохие жилищные условия.

– Неплохие, – согласился Сергеев. – Гораздо лучше, чем у большей части населения нашей страны. Правда, немного напрягает общая кухня, но наличие двух комнат полностью покрывает этот недостаток.

– Вот видишь...

– Что я должен увидеть?

– Твоя мама занимает хорошую должность. И папа не последний человек. Но все-таки вы живете на порядок ниже, чем наша семья. Ты не подумай, я не хочу тебя обидеть, – быстро добавила Аня, заметив, что Вовка нахмурился, – всего лишь констатирую факт. Но я не понимаю, почему мы вдруг удостоились такой чести и въехали в шикарный дом со всеми удобствами.

– А кто твои родители? – полюбопытствовал парень. – Я не из праздного интереса спрашиваю. Может, им по роду службы положено иметь хорошее жилье.

– Папа раньше был командиром армии, – сказала Анна.

– Об этом ты уже говорила. А сейчас он чем занимается?

– Сейчас? – Девушка задумалась. – Кажется, работает на правительство. Точнее сказать не могу.

– А мама?

– Мама – повар.

Вовка пристально посмотрел на Анну, а потом принялся изучать потолок.

– Знаешь что, – наконец сказал он. – Сейчас я ничего не могу тебе ответить, но, если ты немного потерпишь, попробую разузнать.

– Пашка Соболев может что-то знать, – подсказала Аня.

– Пашка? – Вовка задумался. – Не уверен, что он проболтается. Отец у Пашки какая-то большая шишка.

– Значит, он точно знает, – воодушевилась Аня.

– Может, и знает, но не скажет. Пашка умеет держать язык за зубами. Кстати, никто не знает, кто у Пашки отец. Он и эту тайну хранит как зеницу ока.

– И все же попробуй. Ты с ним в хороших отношениях?

– Ну да...

– Тогда рискни. В конце концов, если он тебе откажет, ты ничего не потеряешь.

– Ладно, – нехотя кивнул Вовка. – Но сразу предупреждаю: я ничего не обещаю.

– Спасибо, – ответила Аня и чмокнула Вовку в щеку.

Тот быстро-быстро заморгал глазами, недоверчиво посмотрел на нее, а потом покачал головой и уставился на лектора, решив хотя бы часть лекции потратить с пользой.

Прошло несколько дней. Как-то раз на перемене Вовка подошел к Ане и тихонько сказал:

– Анюта, после лекций не спеши домой. Пойдем, погуляем в парке.

Девушка с недоумением посмотрела на него. Раньше они никогда не гуляли после лекций. Если только вечером, когда у Ани практика начиналась позже, чем обычно. Или в выходные.

– Но я не могу... – начала она и остановилась, глядя на возбужденное лицо Вовки. Наконец кивнула: – Хорошо. Я только позвоню Вигорскому и скажу, что задержусь.

Лекции тянулись как-то особенно долго. Аня елозила на лавке, вызывая недовольство педагога. Она была уверена, что Вовка хочет рассказать ей о ее доме. Правда, сначала девушка подумала, что у него ничего разузнать не получилось, ведь прошло уже больше недели, но потом обратила внимание на его раскрасневшееся, немного загадочное лицо и поняла: у приятеля есть новости.

Сама-то Аня к этому времени и забыла о своих волнениях. Она стала раньше ложиться спать и теперь по утрам вставала бодрая, отдохнувшая. В гостиной ее не тревожили никакие посторонние звуки, и девушка почти жалела, что обратилась к Сергееву со своей странной просьбой. Зачем тому лишние хлопоты, если все дело было в ее больном, вернее, уставшем воображении?

Анна наблюдала за мамой и папой, пытаясь обнаружить в их поведении нечто необычное, но те вели себя как всегда, поэтому воспоминания о шагах и стуках за стеной улетучились. И надо же такому случиться: когда она почти успокоилась, у Вовки появились новости!

– Пойдем, – сказал Сергеев, появившись на крыльце немного позже Анны.

Погода на улице стояла прекрасная. Бабье лето осталось давно позади, легкий морозец приятно охлаждал щеки и придавал ни с чем не сравнимую бодрость.

До парка они дошли довольно быстро, а потом Вовка замедлил шаг. Некоторое время шел молча, изредка поглядывая на спутницу. Анна его не торопила, хотя сердце ее буквально разрывалось от невесть откуда взявшегося гнетущего чувства страха.

– Я поговорил с Пашкой, – наконец произнес Вовка.

– С Пашкой? – почему-то изумилась Аня.

– А что тебя удивляет? Ты же сама просила...

– Просто я не думала, что он разговорится.

– Я тоже не думал. Но – стечение обстоятельств. Вчера Коля Якимов пригласил нас в гости по поводу дня своего рождения и выставил две бутылки коньяка. А вот с закуской оказалось не очень богато. В общем, через час все так наглопались, что себя не помнили.

– Не думала, что ты можешь напиться до такой степени, – ухмыльнулась Аня.

– Кстати, я оказался крепче всех, – сообщил Вовка. – В частности, потому что больше пропускал, чем пил. Я же сразу смекнул, что мне представляется отличная возможность расколоть Пашку. Вот и старался ради тебя.

– Я запомню.

– В общем, Пашка рассказал мне много чего интересного... Правда, не знаю, порадует тебя это или огорчит.

– Говори скорее, не томи!

– Дом твой и правда не простой.

– Я и раньше это знала, – кивнула Анна.

– Все знали, но без лишних подробностей, – откликнулся Вовка. – Лучше слушай дальше.

Основная масса жильцов – люди, так или иначе приближенные к правительству. Некоторые выполняют совсем страшные задания и потому пользуются особым положением.

– О каких заданиях ты говоришь? – напряглась девушка. – Что за работа у них такая?

– Палачи, – тихо произнес Вовка и, засвистев, устался в сторону.

– Палачи?! – Аня остановилась и в ужасе вытаращилась на Вовку. – Те, которые казнят людей? Ты серьезно?

– Абсолютно. В нашем обществе очень много народа, неугодного людям на верхах. Поэтому время от времени за кем-то из них приезжает черный автомобиль и увозит в неизвестном направлении. Кого-то отправляют в ссылку. Кого-то расстреливают. Как раз эта миссия возлагается на так называемых палачей.

Аня не отрываясь смотрела на парня. От ужаса и отвращения она не могла вымолвить ни слова.

– Еще есть другая категория служителей закона. Те, кто все видит, слышит, подмечает, а затем докладывает об этом кому нужно, – продолжал Сергеев. – Сколько людей с их подачи увезли потом в неизвестном направлении, и не сосчитать. Иногда увозят целыми семьями. И это не какие-то отдельные случаи, а закономерность.

– Не может быть... – едва шевелящимися губами произнесла Аня. – Такого просто не может быть...

– И это говоришь ты? – усмехнулся Вовка. – Ты же живешь в этом доме, а значит, имеешь отношение к этой политике.

– Я?! При чем здесь я?!

– Прости, я не то имел в виду. Конечно же, я говорил о твоих родителях. Поинтересуйся у них, за какие такие заслуги они получили квартиру.

– Ты намекаешь, что папа доносил на близких ему людей? – возмутилась Аня и едва сдержалась, чтобы не залепить Вовке пощечину.

– Ни на что я не намекаю. Просто советую поговорить с родителями. Иначе неведение может плохо для тебя обернуться.

– Я уверена, что ни папа, ни тем более мама никогда не пошли бы на такую подлость, – твердо сказала Анна. – Папа очень добрый и справедливый. Раньше командовал армией. Ему доверяли сотни жизней, и каждого человека он старался сбересть.

– Война дело другое, – серьезно ответил Вовка. – Там все на виду. Там все по-честному. Если в тебя стреляют, ты тоже стреляешь в ответ. А сейчас идет негласная война. Сосед доносит на соседа, сын предает отца.

– По-моему, у тебя что-то случилось с головой, – презрительно фыркнула девушка. – Ты говоришь нелепые вещи. Ты сам-то себя слышишь?

– Слышу.

– И веришь в то, что говоришь?

– Как бы мне ни хотелось думать иначе, я чувствую, что все это правда. Пашка в первый раз был таким откровенным. Думаю, он и сам не помнит, что мне наговорил, потому что, когда немного отрезвел, принялся выспрашивать, о чем распинался. Я уверил его, что ничего особенного он не сказал, и Пашка вроде бы успокоился.

– Так, может, это был просто пьяный бред?

– Вряд ли. Слышала поговорку – что у трезвого на уме, то у пьяного на языке? – Сергеев немного помолчал, а затем добавил: – Если честно, я уже слышал подобные разговоры. Но не

мог разобраться, что в них правда, а что вымысел. Но теперь уверен: просто так говорить не будут. А в твоём доме и правда живут не совсем обычные люди.

– Хорошо, допустим, ты прав, – дрожащим голосом сказала Аня. – Но ведь это не значит, что все жители – монстры! Наверняка среди них много порядочных людей.

– Наверняка, – согласился Вовка. – Но никто не знает, что кроется под личиной тех, которые честными глазами смотрят в глаза соседям и мило с ними здороваются, а потом идут выполнять свое черное дело.

– Как страшно ты говоришь! – поежилась Анна.

– Это и в самом деле страшно, – кивнул парень.

Некоторое время друзья шли молча. Разговаривать не хотелось. Они впервые подняли тему, которая была чуждой для них. Аня уже жалела, что попросила Вовку узнать правду. Теперь в каждом жителе своего дома она будет видеть потенциального врага. В каждой милой старушке – гнусную доносительницу. Теперь ей стало понятно, что имел в виду папа, когда сказал об ушах, которые имеются в стенах. Пожалуй, нужно будет поговорить с отцом, тот должен знать правду о доме. Надо его предупредить, чтобы не вел ни с кем из соседей доверительных бесед и вообще не говорил больше, чем следует. Хотя... наверняка папа и сам обо всем знает. Не зря же просил дочку не распускать язык и не болтать лишнего. Особенно о равенстве и справедливости.

– То, что ты сказал, ужасно, – наконец снова подала голос Аня. – Но это реальность, и нам никуда от нее не деться. Значит, будем жить дальше, только уже с оглядкой.

Вовка обратил на нее странный продолжительный взгляд и снова засвистел.

– Почему ты молчишь? – всполошилась Анна. – Или тебе известно что-то еще?

– Известно. Но я не знаю, стоит ли говорить...

– Выкладывай все, что знаешь!

– Видишь ли, ваш дом славится не только тем, что в нем живут выдающиеся люди, но еще и тем, что эти люди время от времени пропадают из своих квартир.

– Что значит – пропадают? – похолодела Аня.

– То и значит. Жили люди, жили... и вдруг испарились, словно их и не было. Пашка сказал, что вы уже третья семья в вашей квартире. А ведь дому всего шесть лет! Куда, спрашивается, подевались предыдущие жильцы?

– Переехали, – помертвевшими губами ответила девушка.

– Может, и так. Но я сомневаюсь, чтобы кто-то из них мог добровольно покинуть такое комфортабельное жилье.

– Я попрошу папу узнать, что с ними произошло. Думаю, ты зря наводишь панику.

– Буду счастлив, если ты окажешься права, – серьезно ответил Вовка. – Но есть еще один момент, который лично меня настораживает. Ты в каком подъезде живешь?

– В десятом. А что?

– В вашем доме нет одиннадцатого подъезда. Ты в курсе данного факта?

– Никогда не обращала на это внимания.

– А стоило бы! Во время строительства, в тысяча девятьсот тридцатом году, произошел пожар. Кроме того, поджимали сроки, и было принято решение поделить площадь одиннадцатого подъезда между десятым и двенадцатым подъездами.

– И что с того?

– Понятно, что квартиры этого подъезда присоединили к другим квартирам. Но в подъезде должны быть лестницы, лифты, лестничные клетки. Куда они делись, а?

– Что значит – куда делись? – нахмурилась Анна.

– Жилая площадь была поделена между квартирами двух соседних подъездов, а все подсобные помещения как будто испарились. Тебе не кажется это странным?

– По-моему, ты неспроста мне про них говоришь, – медленно произнесла девушка. – Выкладывай свои соображения.

– Соображения не мои, так Пашка сказал. В общем, скорее всего, эти помещения ушли под... межстенные ходы.

– Межстенные ходы? Зачем они нужны?

– А ты не догадываешься? – Сергеев сверлил подругу взглядом, и Аня почувствовала, как каждая клеточка ее тела наполняется диким, первобытным страхом.

Конечно, она догадалась. Просто она боялась признаться в этом даже самой себе. Ох, не зря ей посреди ночи мерещились чьи-то шаги и невидимые глаза! И папа прекрасно знает, что дочке они не привиделись. Именно поэтому родители переселили ее в другую комнату, чтобы в их доме подобных разговоров больше не было. Что же теперь делать, а? Жить, как прежде, уже не получится. Вот если бы папа согласился поделиться с ней своими знаниями... Тогда бы ей было намного проще перенести столь страшные новости.

– Что молчишь, дочь командарма? – грустно спросил Вовка.

– А что тут скажешь... – развела она руками.

Друзья повернули назад и за всю обратную дорогу не сказали друг другу ни слова. Анна чувствовала, что Сергеев отдалился от нее, и не понимала почему. Девушка была уверена, что ее отец не причастен ни к доносам, ни тем более к казням. И все же Вовка сейчас стал другим. Чужим. Он уже не смотрел на нее восхищенными глазами – теперь в них поселились растерянность и страх. А ведь совсем недавно им было так хорошо вместе.

– Пока, – торопливо сказал парень, когда дошли до ворот парка.

– Пока, – кивнула Анна, заметив про себя, что Вовка не спросил, как обычно, когда у нее будет свободное время, чтобы сбежать в кино или побродить по улицам. Развернувшись, она пошла дальше, наступая на опавшие листья и думая только об одном – как скоротечно счастье.

Сергеев по-прежнему стоял у ворот и смотрел Ане вслед. У него даже заболело сердце от вида ее сжавшейся, незащитной фигурки. Но он не мог найти в себе сил, чтобы проводить до подъезда. Не мог, потому что его голова буквально раскалывалась от информации, которую Вовка не пожелал сообщить сейчас подруге. И главной в этом списке была особая новость – в десятый подъезд селили тех людей, которым вскоре суждено исчезнуть из жизни.

Глава 3

– Папочка, папа! – воскликнула Анна, едва отец переступил порог дома. – Ты мне очень нужен!

– И зачем же я тебе понадобился? – усмехнулся он.

– Мне нужно серьезно с тобой поговорить.

– Все потом, после ужина. Я очень устал и жутко проголодался.

Отец разделся и направился в ванную комнату. Аня побрела на кухню, чтобы помочь матери с ужином. Уже несколько часов она места себе не находила, дожидаясь возвращения отца. А того, как назло, все не было и не было. Мама уже стала бросать на дочку подозрительные взгляды, и Ане пришлось уйти в свою комнату. Вернее, в гостиную, которая на некоторое время стала ее прибежищем. Девушка чувствовала себя растерянной донельзя. И даже на практике у Вигорского сегодня была рассеянной и неловкой, чем вызвала недовольство руководителя.

– Фролова! – прикрикнул на нее хирург. – Что у вас сегодня в голове? Вы забыли продезинфицировать целую коробку инструментов!

– Простите, – пробормотала студентка. И, не в силах справиться с волнением, отпросилась пораньше.

Она расставляла тарелки, раскладывала вилки и ножи, а в голове постоянно звучали два слова: десятый подъезд. Мама взволнованно на нее поглядывала и, наконец не выдержав, спросила:

– Доча, у тебя все в порядке?

Аня пожалала плечами и ничего не ответила. Как знать, все в порядке или нет? Лично у нее вроде бы никаких проблем нет. Пока. Но где гарантия, что их никогда не будет? И кто ей может дать такую гарантию?

– Так... Что у нас на ужин? – спросил отец, входя в столовую и потирая руки. – Надеюсь, хороший кусок мяса?

– Где ж его взять? – отозвалась его супруга. – До следующего пайка еще несколько дней.

– Жаль... – протянул мужчина. – Ладно, придется довольствоваться тем, что есть.

Отец придвинул к себе тарелку и с аппетитом принялся за еду. А Анне кусок в горло не лез. Она смотрела на папу и пыталась убедить себя, что все хорошо. Вовка просто глупо пошутил. Или поверил вранью нетрезвого Пашки Соболева. Мало ли что тот мог наболтать по пьяному делу! Все соседи, проживающие вместе с ее семьей, вполне приличные, милые люди. Никто из них не может оказаться доносчиком и тем более палачом. Да, да, Пашка все наврал, а Вовка и уши развесил. Нужно было искать другой источник информации, а не мутного Пашку, который вечно занят сам собой и создает вокруг себя такую таинственную атмосферу, что впору задуматься.

Аня не заметила, как съела все подчистую, так что мама одобрительно крикнула и даже погладила дочку по голове. Совсем как в детстве. Папа неторопливо выпил кофе, выкурил сигарету. И только после этого прошел в кабинет, поманив за собой Анну. Мама проводила их тоскливым взглядом и принялась убирать со стола.

– Ну, и о чем же ты хотела со мной поговорить?

Едва прозвучал в тишине кабинета этот вопрос отца, как вся Анина решительность куда-то пропала. Еще час назад девушка была уверена, что сможет напрямую спросить его обо всем, что ее гложет, теперь же была не в силах вымолвить ни слова.

– Смелее! – подбодрил он дочку.

– Даже не знаю, с чего начать, – пробормотала Анна, отводя взгляд.

– А ты начни с самого главного.

– С главного? – Аня задумалась.

Отец ее не торопил. Он видел, что дочь серьезно озабочена, и терпеливо ждал, пока та соберется с мыслями.

– Папа, а правда, что в нашем доме живут доносчики и палачи, а между стенами есть тайный ход, находясь в котором сотрудники определенного отдела следят за жителями? – наконец выпалила Анна и в ожидании ответа замерла.

А отец буквально окаменел от ее вопроса. Впился взглядом в противоположную стену и крепко сжал ручки кресла, словно пытаюсь найти в них опору.

– Так как, папа? – переспросила Аня.

По ее спине побежал неприятный холодок. Если до сего момента девушка надеялась, что жуткая новость, услышанная ею от Вовки, не более чем досужий вымысел, то теперь, уставившись в лицо отца, чувствовала, как в ней растет уверенность – это правда! Все. От первого до последнего слова.

– Кто тебе сказал? – глухим голосом произнес отец, по-прежнему глядя в стену.

– Неважно, – мотнула головой Анна. – Самое главное, что я знаю.

– Не стоит слушать кого попало, – сказал отец и попытался улыбнуться. Но улыбка вышла какой-то неестественной.

– Значит, ты считаешь, что тут нет ни капли правды?

– Если и есть, то мне об этом ничего не известно.

– Совсем ничего? – уточнила Аня.

– Так... доходили какие-то слухи, – уклончиво ответил бывший командарм и наконец-то посмотрел на дочь. – Людям делать нечего, вот и придумывают что ни попадя. Ты больше не общайся с этими «добрыми» людьми. Хорошо?

Анна кивнула.

– Вот и отлично, – неизвестно чему обрадовался отец. – А теперь беги, мне надо немного поразмышлять.

Девушка вышла из кабинета и медленно направилась в гостиную, ни на секунду не поверив словам отца. Тот знает, что происходит. Но почему-то не хочет ей говорить. Хотя как раз таки почему не хочет, Аня понимает: чтобы ее не волновать. Надеется, что неизвестность гораздо лучше горькой правды. Только папа ошибается. Будь у нее другой характер, она бы легко отбросила неприятную информацию в сторону. Но все дело в том, что Аня не привыкла получать половину. Она должна иметь все. В том числе и информацию. Отец точно знает, что происходит в их доме, и Анна тоже должна об этом узнать. Наверняка что-то может быть известно маме. Вот только захочет ли та с дочкой откровенничать?

– Мама, – тихо позвала девушка, входя на кухню.

Мать как раз думала посуду и вытирала столовые приборы.

– Что? – удивленно обернулась она.

– Ты слышала что-нибудь о том, что в нашем обществе существуют доносчики и палачи?

– Ты о чем? – глухим голосом обронила женщина и выпустила из рук вилки.

– Говорят, многие из них живут в нашем доме, – продолжила Аня, буравя мать взглядом. Та оторопело смотрела на дочь и не могла вымолвить ни слова.

– Так что, мама? – нетерпеливо переспросила Анна.

– Тебе лучше поговорить об этом с отцом, – наконец выговорила мама. – Я в политике ничего не понимаю.

– Но ведь это не политика. Это жизнь, в которой мы варимся!

– И все равно, я ничего не знаю. И знать не хочу! Меньше знаешь – крепче спишь. Слышала такую поговорку? – сорвалась на крик мама.

– Значит, ты не в курсе, – констатировала Аня и, вздохнув, отправилась в гостиную.

Теперь ей было ясно, что маме известно не меньше, чем папе. Но по какой-то причине ни тот, ни другая не хотят об этом говорить.

Девушка улеглась на диван и взяла в руки книгу по анатомии. Впервые в жизни она не понимала ни слова из того, что там написано. Пальцы безучастно листали странички с детальным изображением опорно-двигательного аппарата, но глаза смотрели будто сквозь знакомые рисунки. Тогда Анна отложила учебник в сторону и положила голову на подушку. Нужно подумать. Хорошо подумать!

Анна не понимала, почему ее так задела полученная информация. В конце концов, мало ли кем являются те или иные люди. Ей нет до них никакого дела. Пусть все дурные поступки останутся на их совести.

И тем не менее на сердце было очень беспокойно.

Анна еще немного поковырялась в своих мыслях и поняла, что ее волнуют вовсе не соседи, которые теоретически могут оказаться отступниками от простых законов человеческой совести. Нет, ее тревожит совсем другое. А что, если папа – ее любимый и дорогой папочка – причастен к этой гадости? И хотя Аня не в силах была поверить в вероятность такого поворота, червячок сомнения, поселившийся в ее голове, не переставал шептать: ведь за что-то им дали эту прекрасную квартиру! Очень хотелось бы верить, что за какие-то иные заслуги. Но пока она не получит подтверждения последнему, сомнения так и будут ее мучить.

Сон оборвался внезапно, как будто кто-то ее окликнул. Однако в комнате царила полная тишина. Аня заметила, что кто-то – мама или папа – позаботился укрыть ее одеялом и убрать учебник. Видимо, она заснула, пытаясь разобраться в своих мыслях. Стояла глубокая ночь. Во всяком случае, так подсказывали ощущения.

Девушка положила голову обратно на подушку, но сон пропал. Странное чувство надвигающейся опасности накатило с новой силой. Что такое происходит? Аня уже устала задавать себе этот вопрос. Но не задавать тоже не могла. Внезапно она приняла решение, встала с дивана и тихонько вышла из гостиной. В квартире было тихо. Слышно только, как тикают старые ходики – единственная вещь, которую при переезде сюда взяли с собой из барака.

Возле двери спальни родителей Анна остановилась и прислушалась. Ни звука. Тогда девушка осторожно приоткрыла дверь и заглянула в комнату. Отец крепко спал, слегка похрапывая. Мамино лицо не видно, но наверняка она тоже спокойно поживает. Видимо, никому, кроме Ани, нет дела до «несчастливого» десятого подъезда.

Она прошла дальше по коридору и решительно вошла в свою комнату. Несмотря на то что папа выразил горячее желание переклеить обои, здесь пока все оставалось без изменений. То ли у отца руки не доходили, то ли причина совершенно в ином.

Аня остановилась посреди комнаты и замерла, не зная, зачем пришла сюда посреди ночи. Просто пришла, и все. Сейчас комната казалась ей пустой и какой-то чужой, хотя здесь по-прежнему находились милые ее сердцу безделушки и любимые книги.

Девушка постояла еще немного, ругая себя на чем свет стоит за глупую затею, затем развернулась и... Неожиданно в стену кто-то постучал. Вернее, она так решила. Первые несколько секунд сердце буквально выпрыгивало из груди. Аня начала задыхаться и едва не потеряла сознание от страха. Но через пару минут смогла взять себя в руки, немного успокоилась и прислушалась. Тишина. Причем такая, что уши ломит.

– Мерещится непонятно что... – тихонько пробормотала она, чтобы услышать свой голос, потому что тишина действовала ей на нервы. – Кто может стучать посреди ночи? Все нормальные люди спят. И в ходы между стенами я не верю. Это все выдумки Пашки Соболева.

Замолчав, она снова прислушалась. Но сколько ни напрягала слух, больше ничего так и не услышала. Постояв еще некоторое время, Аня подошла к стене и прикинула щекой к холодной шершавой поверхности. И снова до нее не донеслось ни звука.

– Нервы... – пробормотала девушка и, оторвавшись от стены, торопливо вернулась в гостиную.

Аня не слышала, как за мрачным молчаливым камнем послышались крадущиеся шаги.
– Осторожнее, – шепотом произнес человек в черном. – Не нужно привлекать к себе внимание.

– Здесь очень узко, – пожаловался второй.

– Ничего, привыкнешь. Это поначалу кажется, что сложно, а потом начинаешь красться, как кошка.

– Во мне слишком много веса, чтобы сравнивать себя с кошкой, – хохотнул собеседник.

– Это ненадолго. Работа у нас нервная, поднять с постели могут в любое время дня и ночи. Так что с лишними килограммами придется поскорее расстаться.

– Не могу сказать, что последняя перспектива меня расстраивает!

– Самое главное, нервы береги. При нашей работе их много требуется.

Глава 4

– Вовка! – Анна издали заметила Сергеева и замахала руками, пытаясь привлечь внимание парня.

Тот растерянно вертел головой и никак не мог понять, с какой стороны его зовут.

– Вовка! – снова крикнула Аня и принялась пробираться к приятелю.

Сергеев наконец разглядел ее и хотел было потихоньку улизнуть, но было слишком поздно. Анна в считанные секунды оказалась рядом и укоризненно погрозила ему пальцем.

– Где ты ходишь? – поинтересовалась она. – А еще друг называется! Я тебя вторую перемену разыскиваю.

– В буфете был, – соврал юноша.

Аня лишь кивнула, умолчав, что побывала и в буфете, и в других местах, где обычно собираются студенты, но Вовки нигде не нашла. Девушка видела – ее появление не доставляет ему удовольствия, но упорно делала вид, что не замечает этого.

– Может, погуляем после лекций? – предложила она.

– А как же твоя работа у Вигорского?

– Сегодня я взяла выходной.

– Выходной?!

На мгновение Вовка стал самим собой и с искренним изумлением посмотрел на подругу, которая ни с того ни с сего устроила себе передых. Это было совершенно не похоже на Фролову.

– А что такого? – с деланным равнодушием пожалла Аня плечами.

– Нет... ничего, – пробормотал парень и снова закрылся, словно ракушка.

– Так что скажешь?

– Сегодня не могу, – покачал он головой. – Извини.

– Мы ненадолго.

– Аня, я правда занят.

– Вовка... – Анна взяла его за руку, подошла близко-близко и посмотрела прямо в глаза. – Я прошу тебя. Совсем ненадолго.

Сергеев вздрогнул и посмотрел на свою руку, накрытую маленькой ладошкой.

– Ну, хорошо, – торопливо сказал он. – Только быстро.

– Обещаю, – кивнула Аня.

Они снова шагали по осеннему парку, и Ане казалось, что с тех пор, как гуляли здесь в последний раз, прошла целая вечность. А ведь это было позавчера. Надо же, как быстро все может поменяться.

– Что ты хотела? – спросил Вовка, когда отошли на приличное расстояние от ворот.

– А разве для того, чтобы просто погулять, обязательно нужно чего-то хотеть? – удивилась девушка.

– Но ведь ты не для этого меня позвала.

– Что происходит, а? – Аня остановилась и заглянула Сергееву в глаза.

– Ничего не происходит. С чего ты взяла?

– Я же вижу. Ты стал другим. Холодным и чужим.

– У меня иногда бывает паршивое настроение.

– Вряд ли дело в настроении. Я жду другого ответа.

– Аня, я и правда не знаю, что тебе сказать.

Молодой человек постарался вложить в свой голос всю мягкость, на которую был способен.

– Ты изменился после того, как узнал про десятый подъезд, так?

– Я был немного удивлен этой информацией.
– Вовка, а я ни пить, ни есть не могу. Все думаю о том, почему мы живем в этом доме. Папа не собирается отвечать на мои вопросы. Мама тоже. А больше мне не у кого спросить.
– Не бери в голову, – махнул рукой Сергеев, но жест получился натянутым.
– Как же не брать, если даже ты смотришь на меня иначе?
– А что я? На меня ориентироваться не надо. Сегодня я такой, завтра другой.
– Жаль... – Аня смахнула с ресниц набежавшую слезу. – А мне всегда казалось, что ты настоящий...

– Аня... – Он попытался взять ее за руку.
Но девушка спрятала руки за спину и покачала головой:
– Не нужно, Вовка. Ничего этого не нужно. Я понимаю, что происходит нечто серьезное. Такое, что даже ты не можешь мне об этом рассказать. Прощай. Я не буду больше тебе докучать.
– Аня! Ты не понимаешь... – В его голосе послышалось отчаяние.
– И не хочу ничего понимать. Кроме того, что мне жаль. Прощай, Вовка. Я люблю тебя...

Анна развернулась и быстро зашагала прочь. А Вовка стоял посреди парка и с тоской глядел ей вслед. Ему хотелось выть, а он просто смотрел и молчал. Хотя мог бы вернуть ее, сказать много теплых слов. Но – молчал. Потому что не мог найти в себе сил рассказать обо всем, что знал.

А потом он метался по парку, бил кулаками в стволы деревьев и пинал ни в чем не повинные скамейки. До тех пор, пока костяшки пальцев на руках не начали кровить, а носы у ботинок не облезли. Только после этого Сергеев немного пришел в себя и отправился домой, провожаемый удивленными взглядами гуляющих.

Аня не торопясь подходила к дому. Сегодня она в первый раз прогуляла практику у Вигорского и теперь жалела об этом. Дался ей этот Вовка! У мужчин вообще с характером проблема. То им весело, то скучно... Излишек гормонов – так говорили будущим медикам на лекциях. Ничего, пройдет несколько дней, и все вернется к норме.

Так Анна уговаривала себя, чтобы не давать волю другим мыслям, настырно лезшим в голову. Она упорно не желала смотреть в глаза действительности, хотя деваться от этой действительности уже было некуда.

Девушка подошла к подъезду, рассеянно поздоровавшись с соседками и совсем не обратив внимания на странные взгляды, которыми те ее наградили.

В квартире почему-то никого не оказалось, хотя мама всегда приходила гораздо раньше Ани. Правда, сегодня Анна нигде не задержалась и пришла раньше обычного, но все равно мама уже должна была быть дома.

Девушка скинула обувь, сняла пальто и прошла по комнатам. Может, мама устала и прилегла? Она заглянула в родительскую спальню – никого. Квартира и правда оказалась пуста.

Недоумевая по поводу маминого отсутствия, Анна решила отправиться на кухню, чтобы поужинать. Но и кастрюли, и сковороды оказались пусты. Вот это номер! Получается, мамы сегодня вообще не было дома? Но тогда где она?

Аня опустила на табуретку – силы внезапно оставили ее. Из глаз снова потекли слезы, но на сей раз она даже не утирала их. Пусть текут. Какая теперь разница.

Неожиданно в тишину квартиры ворвались резкие звуки телефонных звонков. Анна насторожилась. Им редко кто-то звонил. Телефон был скорее признаком особого положения, чем способом связи. Да и кто бы мог позвонить Фроловым? У основной массы людей элементарных условий в квартирах не имелось, не говоря уж о телефонах.

Девушка некоторое время смотрела на трубку, а затем с опаской подняла ее.

– Да, – почему-то шепотом сказала она. И не узнала свой голос.

– Аня... Аня, ты?

- Я.
- Это Вовка Сергеев. Ты узнала меня?
- Чего ты хочешь, Вовка Сергеев? – устало спросила она.
- Аня, я должен тебя предупредить.
- О чем?
- Слушай внимательно. Ты должна собрать самые необходимые вещи, документы и бежать из дома.
- Куда бежать?
- Куда угодно. Самое главное – подальше.
- Ты в своем уме? А что я скажу родителям?
- Им уже ничего не нужно говорить.
- Вовка... Ты что-то знаешь? – Голос разом осип, а сама она сползла на пол и так и осталась сидеть возле табуретки. – Скажи, молю тебя! Я пришла домой, а родителей нет.
- У меня почти нет времени, – быстро заговорил Сергеев. – Твоих родителей арестовали прямо на работе.
- Как арестовали?.. – Трубка выпала из рук, Анна с трудом успела ее подхватить.
- Так, арестовали.
- А когда отпустят?
- Аня... – Вовка замаялся. – Наверное, мне нужно было сразу сказать тебе об этом, но я не решался. Думал, Пашка все выдумал. Но он не такой человек, чтобы выдумывать. Я ведь хотел как лучше. Лучше для тебя.
- Постой, Вовка, я ничего не понимаю... – остановила его Анна. – Пашка знал, что моих родителей должны арестовать?
- Да. А теперь получается, что и я знал. Но ничего не сказал.
- Когда их отпустят?!
- Таких, как они, не отпускают.
- Что значит – таких, как они?
- Никто из пропавших жителей десятого подъезда не вышел на свободу. Так что спасай себя. Беги. Беги, пока не поздно!
- Некоторое время Анна тупо смотрела прямо перед собой и пыталась осознать полученную информацию. Маму и папу арестовали... Ей не хотелось в это верить, но она должна была поверить, потому что все последние дни чувствовала приближение какой-то опасности. Вовка не врет, говорит то, что знает. То, что знает?
- На этой мысли девушка встрепенулась и с силой сжала трубку. Но тогда получается, что Сергеев обо всем знал. Знал и ничего не сказал. А ведь будь он позавчера немного откровеннее, все могло бы быть иначе!
- Вовка! – Ее голос зазвенел в телефонной трубке.
- Да? – испуганно ответил он.
- Почему ты ничего не сказал?
- Не посмел.
- Ты предатель! Понимаешь? Предатель!
- Аня, ты все равно ничего не могла бы изменить.
- Откуда тебе знать? Папа пошел бы к руководству, поговорил бы, и все само собой разрешилось бы!
- Анечка, с теми людьми, которые забрали твоих родителей, нет смысла разговаривать. У них приказ.
- Неправда! – сорвалась девушка на крик. – Всегда есть смысл! Они тоже люди и могут ошибаться.
- Аня...

– Все, я не хочу с тобой больше разговаривать. Ты мог бы сделать для меня очень многое. Но не сделал. Смалодушничал!

– Пусть так, – ответил он. – Но я тебя прошу – беги. Спасайся! Уезжай куда-нибудь подальше. А там, может, все и образумится.

Вместо ответа Аня бросила трубку на рычаг и заметалась по квартире. Что бы ни думать сейчас о Вовке, а тот прав. Ей нужно уехать. Правда, куда можно уехать, она понятия не имела. И даже думать об этом не хотела. Все потом. Потом... А сейчас нужно собрать вещи и деньги. Без денег долго не протянуть.

Анна решительно вошла в кабинет отца и выдвинула нижний ящик стола. Как и предполагалось, под бумагами оказалась весьма крупная сумма: пачка купюр, перетянутая резинкой. Дрожащими руками девушка схватила ее и запихнула в сумочку. Затем пошарила ближе к стенке стола, желая убедиться, что забрала все, и тут под руку ей попало нечто холодное и твердое. С опаской вытащила необычный предмет – и увидела пистолет.

На мгновение Аня замерла. Откуда у отца оружие? Она никогда не видела этой вещи в их квартире. Правда, и в ящик стола тоже никогда не заглядывала. Получается, у папы были тайны, о которых дочка ничего не знала?

Анна несколько секунд подержала пистолет в руке, хотела было положить его на место, но потом передумала и решительно тоже сунула в сумку.

Кажется, все. Можно уходить. А куда – придумает потом. Можно уехать в Сибирь – там легко затеряться. А после, когда обустроится, даст о себе знать Вовке. Как бы она ни была на него зла, а все-таки Сергеев позвонил и предупредил об опасности. Хотя наверняка сильно рисковал. Да, она обязательно позвонит Вовке. А там, глядишь, им удастся найти способ быть вместе. Жаль только, институт придется бросить. Но другого выхода нет. Если она хочет остаться в живых, нужно уметь терять. Ведь и так уже многое потеряно. Самое дорогое, что было в ее жизни, – родители. У нее почти ничего не осталось. Ничего, за исключением собственной жизни.

Аня остановилась на пороге и в последний раз обвела глазами квартиру, ставшую за этот год такой родной. Скорее всего, подобного жилья у нее уже больше никогда не будет. Но это не страшно. Она боец и сумеет отвоевать у жизни все необходимое. А сейчас ей нужно так мало – найти крышу над головой, надежный приют.

Девушка подхватила чемодан, повесила на плечо сумку и тихонько заплакала, расставаясь с прошлой жизнью.

Глава 5

Звонок в дверь раздался в тот момент, когда она поднесла руку к замку. Аня резко дернулась и с ужасом посмотрела на створку.

– Откройте, товарищ Фролова, – слышалось с лестничной площадки. – Мы знаем, что вы дома.

– Кто там? – дрожащим голосом спросила Анна.

– А вы откройте – и узнаете.

– Я не привыкла отпирать дверь незнакомым людям. – Девушка попыталась придать своему голосу твердость, но у нее плохо получалось.

– Тогда я отдам приказ ломать дверь.

Аня медленно опустила чемодан на пол. Похоже, она опоздала. Теперь не будет ни Сибири, ни новой жизни.

– Так как? Мы ломаем? В последний раз прошу по-хорошему – откройте, иначе хуже будет.

– Значит, так! – Страх куда-то ушел, осталось лишь холодное равнодушие ко всему происходящему. – Открывать дверь я никому не собираюсь. А если кто-то из вас посмеет сюда сунуться, я выстрелю, не задумываясь. Ясно?

За дверью на некоторое время воцарилась тишина. Анна напряженно прислушивалась. Неужели ушли? Хотя вряд ли. Таких людей простой угрозой не испугаешь.

– Послушайте... – Теперь из-за двери звучал другой голос. – Вам все равно некуда деваться. Рано или поздно мы вас оттуда выкурим. Только ваше положение значительно усугубится. Вы меня понимаете?

Анна понимала. Но открыть дверь людям, которые арестовали ее родителей, просто не могла.

– Итак, что вы решили?

– Убирайтесь! И помните, патронов у меня много. На всех хватит.

На лестничной клетке вновь стало тихо. Правда, теперь до нее доносились едва слышные голоса. Похоже, люди по ту сторону двери сдаваться не собирались.

А в то время человек в черном, командовавший операцией, спустился к телефону-автомату и принялся набирать номер наркома Ежова.

– Николай Иванович, это Серов, – сообщил он. – У нас возникла небольшая проблема.

– Вот как? – удивился человек на том конце провода. – Откуда же могла взяться проблема?

– Гражданка Фролова, которую вы приказали арестовать, заперлась в квартире и угрожает пистолетом.

– Каким пистолетом?

– Не знаю. Я его не видел.

– А может, и нет никакого пистолета? Вы проверяли?

– Желаящих не нашлось. Фролова пригрозила послать пулю первому же, кто рискнет сунуться в квартиру.

– Я сейчас буду. Ждите.

Через полчаса возле десятого подъезда остановился черный автомобиль, и из него вышел человек неприметной наружности. Он окинул местность цепким взглядом и решительно направился в подъезд. Возле двери Фроловых остановился, грозно посмотрел на подчиненных, подошел вплотную к створке и громко произнес:

– Гражданка Фролова, я приказываю вам открыть дверь.

В квартире стояла тишина. Некоторое время мужчина молча смотрел на деревянное полотно, а потом махнул одному из людей – крепкому парню, жестом показывая, что нужно ломать дверь. Сотрудник с опаской подошел поближе и обернулся на командира – не передумает ли. Но тот, сжав зубы, даже не смотрел в его сторону.

Молодой человек вздохнул и с силой надавил плечом на створку. Она заскрипела, и из квартиры тут же грянул выстрел. Парень охнул и повалился на пол.

Старший группы бросился к подчиненному.

– Значит, так, да? – рявкнул Ежов. – Ну, что ж, ты сама напросилась... Серов!

– Я, – вытянулся склонившийся над раненым мужчина.

– Слушай мой приказ!

– Николай Иванович, его бы в больницу надо... – робко заметил тот, показав рукой на лежащего.

– Молчать! Успеет в больницу. А пока слушать меня. Бери доски и забей дверь. Так, чтобы эта тварь больше никогда отсюда не вышла.

– Совсем заколотить?

– Нет, наполовину... – язвительно скривил губы Ежов. – Заколотите так, чтобы даже мышь не проскочила! А потом отключите воду, электричество и телефон. Пусть подохнет там с голода.

– Слушаю! – гаркнул Серов и побежал выполнять указание начальства.

Анна со страхом прислушивалась к внезапно образовавшейся тишине. За дверью больше никто не бегал и не предлагал ей выйти. словно все ее враги неожиданно испарились. Когда она была почти готова в это поверить, на улице послышался шум, словно там упало что-то тяжелое.

Девушка бросилась к окну и в свете фонаря увидела, как два человека выбрасывают из фургона доски. Те с грохотом обрушивались на асфальт, издавая противный треск. Аня некоторое время заворуженно смотрела на падающие доски, недоумевая, кому сейчас понадобились стройматериалы, а потом, опомнившись, побежала назад к двери – нужно ведь охранять свои позиции. Рано или поздно ее враги потеряют бдительность, и тогда она потихоньку сбежит.

Между тем на лестничной клетке снова послышался шум. На сей раз гроыхало так, что девушка испугалась. А ну как дверь будут выбивать тараном? Что тогда противопоставить нападающим? Несколько выстрелов? Конечно, Аня покривила душой, сказав, что у нее много пуль, на самом деле ей не было известно, есть ли в доме запас патронов. А искать их – времени не было. Она напряженно прислушивалась к шуму на площадке и гадала, что уготовила ей судьба. Если бы только Аня знала, что ее ожидает, то, наверное, открыла бы дверь и сдалась на милость врага.

На лестнице вовсю кипела работа. Доски были переташены к квартире, и крепкий мужичок с молотком в руке ждал команды. Вот Серов махнул рукой, и двое парней приладили к двери первую доску.

Аня прислушивалась к методичному стуку молотка, не ведая, что происходит. Примерно через полчаса шум прекратился, наступила долгожданная тишина. Девушка в изнеможении опустилась на пол. Неужели все закончилось?

Так она просидела до полуночи, но больше никаких подозрительных звуков не услышала. Под утро не выдержала и заснула, а когда проснулась, солнце уже вовсю светило в окно. Аня вздрогнула и торопливо поднялась с пола. Дверь заперта, посторонних людей в квартире нет. Спасибо и на том!

Подойдя к двери, она долго слушала, не донесется ли какой-нибудь даже самый незначительный шум. Но сегодня тишину подъезда ничто не нарушало. Тогда Анна набралась смелости и осторожно открыла дверь квартиры, ожидая увидеть все, что угодно, – притаившихся за

углом палачей, пистолет прямо перед своим носом... Но увидела лишь ряд плотно пригнанных друг к другу досок.

Некоторое время она тупо смотрела на внезапно выросшую перед ней стену, а потом потрогала ее руками. И в самом деле доски. А ведь была надежда, что это обман зрения...

– Здесь есть кто-нибудь? – негромко позвала девушка, но ответом ей была тишина. – Вы слышите меня? Ничего не понимаю, – пожаловалась самой себе Аня и заперла дверь квартиры. – Чего хотят эти люди?

Она прошла на кухню, взяла чайник, чтобы вскипятить воду, и подставила его под кран. Однако струйка воды не полилась.

– Что такое? – недоуменно воскликнула девушка и побежала в ванную.

Однако воды не оказалось и там. Тогда она щелкнула выключателем и убедилась, что электричества в квартире тоже нет. Бросилась к телефону – в трубке стояла полная тишина. Ни гудков, ни потрескивания.

Аня медленно вернулась на кухню, села за стол и подперла щеки руками. Похоже, ее решили уморить голодом. Правда, еще быстрее она умрет от жажды. Обычно человек без воды может выдержать три дня. А потом все, наступает конец. Окончательный и неминуемый.

Девушка открыла буфет и уставилась на почти пустые полки. Кусок колбасы да полпачки масла. Мама никогда не готовила впрок. Да и зачем, если она любила стоять у плиты и каждый день баловала их с папой свежими блюдами.

А теперь нет ни ее, ни папы. Где сейчас родители? Живы ли? Или их уже нет на этом свете? Аня всхлипнула. Да пропади пропадом эта чертова квартира! Лучше бы им навсегда остаться в том бараке, о котором она так не любила вспоминать. Там все трое Фроловых были по-настоящему счастливы. Гораздо больше, чем здесь, в хоромах. Потому что там у них было больше времени друг для друга.

Целый день Анна металась по квартире. Пару раз открывала окно и смотрела, далеко ли до земли. Может, стоит попробовать спуститься с помощью простыней? Помнится, в какой-то книге рассказывалось о подобном способе бегства из плена.

Нет, не получится. Слишком высоко. Нужно придумать другой способ. И она снова бегала по комнатам до тех пор, пока не пересохло во рту и не стало двоиться в глазах. Тогда девушка легла на диван, положив рядом с собой пистолет, и уставилась в потолок.

Бред какой-то! С ней не может происходить ничего подобного. Скорее всего, она спит и видит страшный сон. Слишком много мыслей роилось в ее голове в последнее время, и теперь те мысли воплотились в сновидении. Нужно поскорее проснуться и забыть этот кошмар раз и навсегда.

Аня крепко зажмурилась. Вот так. Еще немного, и сон уйдет от нее. А утром она расскажет о приснившейся глупости папе, и тот вместе с ней посмеется.

В следующий раз Анна пришла в себя утром следующего дня от негромкого стука в дверь. Девушка с трудом поднялась с дивана и, пошатываясь, подошла к двери.

– Кто там? – пересохшими губами спросила она.

– Это Лида, – послышался знакомый голос.

– Лидочка! – обрадовалась Аня и почти забыла о мучающей ее жажде. – Ты ко мне, да?

– К тебе.

– Извини, что не могу тебя впустить. Как видишь, меня здесь замуровали.

– Я бы к тебе и не вошла.

– Почему? – опешила Аня. И вдруг услышала совершенно неожиданное:

– Потому что я здесь только по одной причине – хочу посмотреть, как ты сдохнешь!

– Лида... – Силы вдруг оставили Анну, и она опустилась на пол. – Лида, что ты такое говоришь?

– Я целый год мечтала увидеть конец твоей семьи. И наконец этот день настал. Ты умрешь так же, как мой папа, которого расстреляли по наводке твоего отца.

– Моего отца? – Каждое слово давалось Ане с огромным трудом. – Ты ошибаешься, мой папа не имеет никакого отношения к тому, что с вами произошло.

– Не имеет, говоришь? – Девушка по ту сторону двери явно усмехнулась. – А вот тут ты ошибаешься. Твой отец разрушил не одну семью. Мне это доподлинно известно. Последний год я только и занималась тем, что выискивала информацию. Да если бы твой отец не был доносчиком, вы бы никогда не получили квартиру здесь! Или скажешь, что ты не знала, кто проживает в этом доме и за какие заслуги пользуется всеми благами цивилизации?

– Я не знала, – еле слышно проговорила Аня. – Клянусь.

– Может, и так, – равнодушно отозвалась Лида. – Но суть не меняется. Ты сдохнешь, так же как и твои родители.

– Лида, помнишь, мы ведь с тобой дружили... Делали секретки, писали записки особым шифром, выкармливали голодных котят...

– Это было в прошлой жизни. Там, где я еще верила в справедливость.

Анна вздрогнула. Справедливость... Какое страшное слово! Каждый трактует его по-своему. Вот для Лиды, ее бывшей лучшей подруги, справедливость заключается в том, чтобы увидеть ее, Анину, смерть. А для нее самой... Что есть справедливость? Вернуться обратно в барак, чтобы искупить вину, если таковая, конечно, имеется?

Справедливость, равенство... Папа прав, равенства не существует, как бы о том ни твердила всемогущая власть. Человек изначально рождается с определенным набором качеств, и ему не прыгнуть выше своей головы. А значит, два человека с разными моральными устоями никогда не станут равными друг другу. Вот она, Аня, смогла бы простить Лиду, если бы ее отец оказался на месте Аниного папы. Тем более что та ни в чем не виновата. А Лида не может. И наоборот, наслаждается Аниным положением. Наверное, будь ее воля, она бы лично пустила бывшей подруге пулю в лоб.

– Эй, ты там? – послышался Лидин голос.

– Куда же я денусь... – ответила Аня, выплывая из своих мыслей. – Ничего, совсем скоро я уйду из этой жизни, и в твоём сердце поселится покой. Мне недолго осталось – воды нет, еды тоже. Правда, у меня есть пистолет. Когда мне станет совсем плохо, я просто покончу с собой, чтобы не мучиться. Ты меня слышишь, Лида?

– Аня...

– Что?

– Мне жаль, что все так вышло.

– Жаль?

– Правда, жаль. Я знаю, ты не виновата. Знаешь, у меня вдруг сейчас прошла вся злость, хотя вот только что мне очень хотелось, чтобы ты испытала все те муки, которые довелось перенести мне. Я бы не хотела, чтобы твой конец оказался таким.

– Спасибо, Лидочка. Но такова судьба. Мы с тобой по разные стороны двери.

– Прощай, Аня. И пусть твой конец не будет слишком мучительным.

На лестничной клетке раздались негромкие шаги. Это Лида навсегда уходила из Аниной жизни. Как будто и сама жизнь уходила.

Аня добралась до окна и распахнула створку. Свежий воздух ворвался в квартиру, и стало немного легче. Внизу сновали люди, проезжали немногочисленные машины, и никому не было дела до замурованной в собственной квартире девушки.

Из подъезда вышла Лида, подняла вверх голову, встретилась с Аней взглядом и тут же отвернулась, торопливо побежав прочь от дома. Вот и все. Последний близкий ей человек покинул тонущий корабль. Аня закрыла окно и вернулась в комнату. Пистолет по-прежнему лежал возле подушки. Она погладила его холодный бок и направилась к двери.

Там немного постояла, ощупывая плотно пригнанные доски, а потом... потом закричала. Что именно она кричала, Аня не помнила. Кажется, это было что-то типа: «Люди, помогите! Пожалуйста, выпустите меня, я умираю от жажды! Я хочу есть! Мне плохо!»

Но на все ее крики не отозвалась ни одна живая душа.

Она кричала так до тех пор, пока силы не оставили ее. Девушка потеряла сознание. А когда пришла в себя в следующий раз, на улице уже было темно. Окинув мутным взглядом коридор, она снова потянулась к доскам. Ничего не изменилось. По-прежнему мощный деревянный щит стоял на страже ее жалкой жизни. В ужасе Аня опять начала кричать, и вновь ответом ей была тишина. Как будто весь подъезд разом вымер.

Когда девушка совсем выдохлась, со стороны лестницы послышались осторожные шаги. Анна насторожилась и подумала, что сейчас была бы рада любому посетителю, даже если это окажется враг. Она не умела быть сильной, ведь ей никогда не приходилось попадать в подобные ситуации. Аня была самой обычной девчонкой, любимой родителями и смотрящей на жизнь широко открытыми глазами. Все происходящее казалось ей кошмаром, внезапно ворвавшимся в ее мирное, тихое существование. Никто не учил ее противостоять таким вот сложностям, для родителей дочка оставалась слабой маленькой девочкой, которую надо было оградить от влияния извне.

– Аня, ты здесь? – послышался шепот из-за двери.

– Здесь, – равнодушно ответила она.

– Это я, Вовка.

– Я тебя узнала.

– Мне жаль, что ты не успела убежать.

– Мне тоже жаль. Но теперь уже ничего не попишешь. Скажи, ты сможешь оторвать доски?

С лестничной клетки не доносилось ни звука.

– Вовка!

– Что?

– Ты меня освободишь?

– Аня...

– Что?

– Мне очень бы хотелось сделать это для тебя, но... не могу.

– Почему?

– Боюсь за своих родителей. Не за себя, нет! Если бы у меня была такая возможность, я бы умер за тебя. Но у меня есть родные мне люди, и я должен подумать о них. Ты меня понимаешь?

– Понимаю.

Анна действительно его понимала. Если бы у нее был выбор, она бы тоже выбрала родителей. В конце концов, кто она для него? Всего лишь знакомая. Девушка, с которой Сергеев вместе учится и иногда ходит в кино. Вернее, учился и ходил. Разве может сравниться ее жизнь с жизнью целой семьи?

– Я и правда все понимаю, – добавила Аня, чтобы успокоить Вовку. – Не переживай. Я не сержусь на тебя.

– У меня сердце разрывается, видя, что тебе приходится переживать. Ты не заслужила этого. Дети за родителей не в ответе.

– Чего теперь об этом говорить? – пожала Анна плечами. – Может, все к лучшему. Зачем мне жить, если рядом не будет мамы и папы? Какой смысл? Жить и всю свою жизнь ненавидеть власть, которая сделала меня сиротой? Нет уж, пожалуй, я лучше умру. Уйду вслед за ними. И где-нибудь на небесах мы обязательно встретимся. – Она улыбнулась своим словам. – Вовка...

– Что?

– Я так кричала. На весь подъезд, наверное. Неужели никто не слышал?

– Почему? Все слышали.

– Но ко мне никто не подошел. Словно я вдруг оказалась на необитаемом острове.

– Вероятно, так оно и есть. Люди боятся идти наперекор власти. Я тут уже давно, просто не решался подойти. Люди пробегали мимо твоей квартиры, а некоторые даже затыкали уши, чтобы не слышать твоих криков.

Аня снова улыбнулась. Вот как получается! Пока все хорошо, с ней мило разговаривают и заискивающе заглядывают в глаза. А когда все рушится, нет ни одного желающего протянуть ей руку помощи.

– Пожалуй, я пойду, – пробормотал Вовка. – Мне бы многое хотелось для тебя сделать, но я не могу даже подать тебе стакан воды.

– Не переживай. Я не в обиде. Иди спокойно.

– Аня...

– Да?

– Я люблю тебя!.. – выпалил Вовка и быстро побежал вниз по лестнице.

Анна заперла дверь и медленно вернулась в комнату. В висках стучало, голова кружилась, ноги подкашивались. Разве могла она подумать, что ее ожидает такой печальный конец? Маленькая беззащитная девочка, которая успела полюбить, но так и не узнала толком, что такое любовь...

Она легла на диван, сунула в рот пистолет и, не колеблясь, нажала на спуск.

Выстрел прозвучал в тот момент, когда Сергеев выходил из подъезда. Парень вздрогнул и поднял голову вверх. Ничто не указывало на то, где именно раздался выстрел. Но Вовка знал точно – он был сделан в квартире Ани Фроловой, девочки, перед которой впереди была вся жизнь и которая так и не успела этой жизнью насладиться.

Сергеев прибавил шагу и поспешил покинуть ужасное место. Ветер сильно дул ему в лицо, почти сбивал с ног, но он ничего не замечал. Из глаз вдруг закапали тяжелые соленые капли. Вовка плакал. Плакал в первый раз с тех пор, как перестал быть смешным карапузом. Но даже все слезы мира не могли вернуть ему Анну – девушку, которая значила для него очень и очень много. Больше, чем его собственная жизнь.

Глава 6 Наши дни

Вывеску с надписью «Загадки родного края» было видно издалека. Вечером она подсвечивалась неоновыми огнями, а в остальное время привлекала внимание прохожих яркими красками. Владельцем фирмы с этим названием являлся Александр Громов, симпатичный мужчина тридцати шести лет от роду, до недавнего времени уверенный, что его жизнь – одна сплошная черная полоса. По какой-то причине на его долю не выпало белого цвета.

Однако в последнее время с ним произошли такие разительные изменения, что иначе как чудом их и назвать было нельзя. Во-первых, он встретил своего родного брата, о существовании которого даже не подозревал¹. Стас обладал удивительной способностью видеть вещие сны, что уже не раз помогало Александру в его делах.

А во-вторых, Громов познакомился с Людмилой, которую теперь считал женщиной всей его жизни! Люда была не только красивой, сексапильной и вообще замечательной во всех отношениях. Она еще и занимала довольно значительную должность – являлась начальником одного из районных отделов московской полиции. Правда, должность эту Людмила получила вовсе не за выдающиеся заслуги и броскую внешность. Все гораздо проще: ее пристроил туда папа, который, в свою очередь, занимал высокий пост в правительстве. Правда, Саша толком не знал, какой именно.

Но это было неважно. А важно то, что Люда любила Громова таким, какой он есть. Кроме того, подруга обладала практичным умом и давала Александру дельные советы в раскрытии непростых дел, которыми тот занимался. А еще она очень старалась завоевать авторитет среди подчиненных и неплохо в этом преуспела. В частности, благодаря своему помощнику Валентину Петровичу Рошину, приставленному к ней заботливым отцом.

Любой прохожий, взглянув на вывеску «Загадки родного края», мог сразу же понять, что контора занимается поиском фактов, связанных с историей Москвы и Московской области. Но это было не все. Громов брался распутывать случаи, удивительные и даже порой загадочные. Он вообще обожал мистику. Правда, некоторые истории, в которые Саша ввязался, чуть было не оказались для него последними, но Громов не унывал, ведь судьба каждый раз доказывала ему: в жизни могут происходить такие повороты, что хоть стой, хоть падай. И Александр, едва оправившись от очередного дела, снова рвался в атаку.

– Шурик, ты, по-моему, сегодня сам не свой, – протянула Люда, усаживаясь к любимому на колени. – Что тебя волнует? Отчего такой хмурый?

– Все в порядке. Просто... просто у меня не очень хорошее настроение.

– И с чем же это связано?

– Да ни с чем.

– Не обманывай меня! Я тебя как облупленного знаю!

– Люда, не приставай.

– А я еще и не начинала, – уверила она его. – Так в чем дело?

Саша, поморщившись, промолчал.

– Ладно, можешь ничего не говорить, и так все знаю. Неделю назад ты завершил последнее дело и с тех пор мучаешься от скуки. Я права?

– В какой-то мере.

– Конечно, права. Вот только не вижу причины для грусти. Последние несколько месяцев ты вкалывал, как лось!

– Как вол, – поправил ее Саша.

¹ Об этом читайте в книгах К. Рождественской. Издательство «ЭКМО».

– Пусть как вол, – согласилась любимая женщина. – Но человек не должен работать на износ, организму нужна передышка. Понимаешь?

– Я все понимаю, Люда. Но эта передышка слишком уж затянулась.

– Всеу свое время. Как только ты восстановишь силы, у тебя обязательно появится новое дело.

– Как у тебя просто получается, – проворчал Громов. – Тебя послушать, так все должно вершиться по мановению волшебной палочки.

– А жизнь и есть своего рода волшебная палочка, – улыбнулась Людмила. – Только ею нужно правильно махать. И загадывать правильные желания.

– Значит, если я сейчас загадаю нового клиента, то он появится? – хмыкнул Саша.

– Вполне возможно. Произнеси про себя, чего бы тебе хотелось. И захоти этого сильно-сильно!

Александр зажмурился и некоторое время сидел молча, слегка шевеля губами.

– Ну вот, готово, – наконец сообщил он. – Когда ждать результата?

– Точно я сказать не могу. В таких случаях конкретные сроки отсутствуют.

– Я так и знал, что здесь есть какой-то подвох, – усмехнулся Громов и привлек Люду к себе. – Все это сказочки для доверчивых дурачков вроде меня.

– Вот теперь ты мне нравишься больше, – промурлыкала женщина. – Даже если твое желание сразу не исполнится, настроение-то уже поднялось. А это тоже немаловажно!

– Тебе виднее. Ты ведь отличаешься редкой благоразумностью.

Саша прижал любимую еще крепче и только было собрался поцеловать, как в дверь постучали.

Людмила насторожилась:

– Ты кого-то ждешь?

– Если только загаданного клиента. Но ведь желание не могло так быстро исполниться, не правда ли?

Стук повторился.

– Пойди открой, – сказала Люда, поднимаясь с колен Саши.

Громов подошел к двери и распахнул ее. На пороге офиса стояла пара. Мужчине было около пятидесяти, хотя выглядел он гораздо моложе. Истинный возраст выдавал его взгляд – цепкий, жесткий, бескомпромиссный. А вот возраст женщины Саша определить затруднился. От двадцати до сорока. Внешне она напоминала нежную фиалку – васильковые глаза и кожа цвета персика. Но в глазах незнакомки затаился страх. И страх этот рвался наружу.

– Вы ко мне? – любезно поинтересовался Александр.

– Если именно вы занимаетесь поиском исторических фактов, то да, – кивнул мужчина.

– Проходите. – Громов посторонился и сделал приглашающий жест рукой.

Люда пересела в кресло, стоявшее в углу офиса, и принялась разглядывать пару.

– Вы хотели бы заказать составление генеалогического дерева? – спросил Саша, когда посетители уселись за стол.

Обычно такие пары, уверенные в себе и обладающие определенной суммой денег в кошельке, заказывали именно эту услугу. А то, что нынешние посетители люди не бедные, было видно с первого взгляда.

– Вовсе нет, – покачал головой мужчина. – У нас совсем другой повод. Меня зовут Аркадий. Аркадий Торгов. А это моя супруга Маргарита.

– Очень приятно. Александр Громов, – представился Саша и пожал обоим руки. – Я вас слушаю.

Аркадий неожиданно смутился и потер подбородок.

– Ну, что же вы? Смелее! – подбодрил хозяин офиса мужчину.

– Возможно, мой рассказ покажется вам несколько странным, но, честно говоря, вы – наша последняя надежда, – сообщил тот.

– Почему вы решили, что ваш рассказ покажется мне... необычным?

– Дело в том, что я уже был в нескольких инстанциях, и везде на меня смотрели, мягко говоря, как на умалишенного. Разве что вслух этого не сказали. Видимо, постеснялись.

– В своем кабинете я слышу столько разных историй, что уже перестал чему-либо удивляться. Так что рассказывайте смело, а я посмотрю, что можно сделать.

– Вы что-нибудь знаете о доме номер двадцать на Берсеневской набережной?

– Я о нем слышал, – кивнул Александр.

– А о призраках, населяющих данный дом?

Громов принялся разглядывать мужчину. В призраков Саша верил. Но при этом знал: далеко не все считают, что подобные сущности есть на самом деле. А все потому, что некоторые люди способны видеть то, что должно быть скрыто от глаз, а другие нет. Отсюда и расхождение во взглядах. Однако сидящий перед ним мужчина явно не относился к категории людей, верящих в привидения, поэтому вопрос Торова показался ему немного странным.

– Вы лично видели призраков? – вместо ответа спросил Александр.

– Я – нет. Но моя жена видит их постоянно. Она уже не спит и не ест. Бойтся веки сомкнуть, чтобы не оказаться во власти этих существ.

Саша нахмурился. Похоже, ему придется иметь дело с чокнутой дамочкой, вообразившей себе от скуки невесть что. Такие дела он не любил больше всего. Наверняка эта история окажется последствием ее очередного нервного расстройства. А ему так хотелось настоящей работы!

– Вы всегда видели призраков? – обратился Громов к Маргарите, когда молчание затянулось.

– Вовсе нет, – замотала та головой. – Это продолжается около пары месяцев.

Саша расправил плечи. Уже легче. Может, не все так мрачно, как он себе вообразил.

– Начните с начала, – попросил Александр. – Введите меня в курс дела. А там посмотрим, что я смогу для вас сделать.

– Квартиру на Берсеневской набережной я купил пять лет назад, – начал рассказ Аркадий. – Дела мои пошли в гору, и я решил, что не стану приобретать жилье в новостройке. Мне хотелось иметь нечто основательное, с многолетней историей и в то же время надежное и крепкое. Дом на набережной показался мне вполне приемлемым вариантом, мы посоветовались с Маргаритой, и я оплатил первый взнос. Тогда всю сумму я сразу отдать не мог – квартиры там очень дорогие. Но через два года расплатился полностью и немедленно сделал ремонт. Теперь мой бизнес вполне крепко встал на ноги, и я мог бы купить еще несколько квартир в этом доме, что и планировал сделать. Но все мои планы порушили эти самые призраки.

– Так вы их видели? – уточнил Саша.

– Мне они не являлись, – ответил Аркадий. – А вот Маргариту совсем измучили.

– В чем это проявляется?

– У меня такое ощущение, что за моей спиной постоянно кто-то стоит, – испуганно сообщила женщина. – Если я поднимаюсь по лестнице, то вижу чью-то тень. На улице мне слышатся шаги, дома сам собой выключается свет.

– Но может, и нет никаких привидений? Тень на лестнице – это соседи, которые тоже возвращаются домой. А шаги за спиной... – Громов немного помедлил. – Улица полна народа, и мы не всегда способны увидеть того, кто находится за углом, зато шаги до нас доносятся.

– А гаснущий свет?

– Дом старый, вполне могут быть проблемы с проводкой.

– Я все поменял, когда делал ремонт, – покачал головой Аркадий. – Провода новые, можете не сомневаться.

– И тем не менее всему можно найти объяснение.

– Я пыталась. До поры до времени. – Маргарита вздохнула. – До тех пор, пока отрицать очевидное стало просто глупо. Я способна отличить силуэты соседей от бестелесных теней. И крадущиеся шаги позади от шагов обычных прохожих – тоже.

– Допустим, – кивнул Саша. – А вы не пытались отследить этих... призраков? – споткнулся он на последнем слове.

– Почему же? Пытались, – ответил Аркадий. – Сначала я вообще решил, что над моей женой кто-то подшучивает. Идиотов на свете много, мало ли кому взбрело в голову подурочить Маргариту.

– У вас есть недоброжелатели? – Александр повернулся к женщине.

– Недоброжелатели – вряд ли, скорее завистники, – ответила та.

– Поясните.

– Я играю в театре. Он находится там же, в нашем доме. Очень удобно – не нужно никуда ехать, вышла из подъезда и через несколько минут уже на работе.

– Значит, вы актриса.

– Да. Но я играю не ведущие роли, мне вполне хватает и второстепенных. Правда, даже на этом уровне конкуренция весьма значительна. Мои коллеги на многое идут, лишь бы отхватить кусок посулиднее. Я стараюсь не втягиваться в эти игры. Тем более что работаю скорее для удовольствия, чем ради славы или заработка. Аркаша вполне достойно зарабатывает, чтобы я не надрывалась из-за куска хлеба.

– Значит, вы подозреваете кого-то из своих товаров, – утвердительно произнес Громов.

– Вовсе нет, – замотала головой Маргарита. – Вернее, поначалу я их, конечно, подозревала. Но потом отказалась от этой мысли. Во-первых, можно пошутить раз или два, но никак не на протяжении двух месяцев. А во-вторых, в нашем подъезде сидит охранник. Мимо него и мышь не проскочит.

– А вы с ним разговаривали? – оживился Саша.

– С охранником? Естественно, – ответил Аркадий. – Когда Марго в очередной раз прибежала домой в слезах, я устроил ему скандал и потребовал ответа, почему он пускает в подъезд посторонних. Но Павел сказал, что до Маргариты в подъезд более часа никто не входил. И после нее тоже.

– Охранник заслуживает доверия?

– Вполне. Он работает у нас уже год, и никаких нареканий к нему никогда не было.

– Забавно... – протянул Александр.

– Вы находите это забавным? – приподняла брови Маргарита.

– Не обращайтесь на меня внимания, это просто мысли вслух, – махнул Громов рукой. И повернулся к Торovu: – Так что вас заставило обратиться именно ко мне?

– А к кому еще? У меня масса знакомых в самых разных службах города. Я был в полиции, но там, разумеется, не нашли состава преступления. Я беседовал с психологами, думая, что нужно всего лишь подлечить Маргошины нервы. Но все оказалось бесполезно. Тем более чуть позже я отказался от мысли пичкать жену психотропными препаратами.

– Почему?

– Через неделю после посещения психолога Марго с трупной уехала на гастроли. Ее не было дней десять, а когда она вернулась, я ее даже не узнал – супруга выглядела намного лучше, чем до отъезда, и сообщила, что все это время никакие посторонние шумы и видения ее не тревожили. Она совсем успокоилась, посчитав, что эпопея с призраками закончилась. Однако не успела жена провести дома и суток, как опять началось то же самое. Получается, дело не в расстроенных нервах. Тогда я встретился с одним историком, который поведал мне кое-что интересное об этом доме. Оказывается, здесь вполне могут водиться привидения, так как в период сталинских репрессий без вести пропало множество его жильцов. Причем прямо из

собственных квартир. Я спросил у него, что нам теперь делать. Продавать квартиру я не хочу. Да и Маргарите апартаменты очень нравятся. И старик посоветовал найти специалиста, который попробует разобраться с подоплекой происходящего. И мы обратились к вам. Видите ли, – Аркадий доверительно понизил голос, – мне известно, что вы уже распутали несколько подобных случаев. Я имею в виду связанных с привидениями.

– Чего же вы от меня ждете?

– Мы хотим, чтобы вы выяснили, почему мою жену преследуют призраки, – твердо сказал Торov. – Возможно, они пытаются что-то до нас донести. И когда мы поймем, что именно, избавимся от них раз и навсегда.

– Интересная задачка... – протянул Саша и бросил быстрый взгляд на Люду.

Та сидела с самым сосредоточенным видом и на его немой вопрос лишь пожала плечами.

– Хорошо, – кивнул Громов, – попробую. Правда, ничего не обещаю. В таких делах сложно что-то сказать заранее и наверняка. Но я приложу все усилия, чтобы вам помочь.

Глаза Маргариты вспыхнули васильковым светом, и женщина впервые за весь разговор улыбнулась.

– Мы будем вам очень благодарны, – мягко произнесла она. – Если честно, мне уже стали лезть в голову нехорошие мысли. Бывает, подойду к окну, гляну вниз, и сердце заходится в предвкушении чего-то близкого и неотвратимого. Тогда мне хочется распахнуть створку и броситься вниз, навстречу новому, манящему и в то же время очень страшному.

Аркадий бросил на жену тревожный взгляд, но ничего не сказал.

– Значит, вы живете в доме номер двадцать по Берсеневской набережной, так? – уточнил Александр, делая в блокноте какие-то пометки.

– Да, в десятом подъезде.

– А до приобретения там жилья вы что-нибудь знали об истории этого дома?

– Если бы знал, то поискал бы квартиру в каком-нибудь другом месте, – ответил Аркадий. Маргарита же просто покачала головой.

– А может, все равно купили бы, – задумчиво проговорил Саша. – Многие люди не верят в существование потусторонних сил и считают их не более чем больной фантазией определенной части населения.

– Наверное, вы правы, – кивнул Аркадий. – Но мне от этого не легче. Я хочу решить проблему и готов заплатить за вашу работу сколько потребуется.

– Почему-то мне кажется, что вы всегда доводите свои дела до конца, – заметил Саша, пристально глядя на Аркадия.

– Так и есть, – ответил тот.

– Хорошо. Я берусь за ваше поручение. И для начала у меня будет такой вопрос... – Громов посмотрел на Маргариту: – Расскажите мне, с каких пор у вас начались видения. И постарайтесь ничего не упустить.

– Как я уже говорила, произошло это около двух месяцев назад, – начала она. – В нашем театре шла постановка, в которой призрак молодой девушки являлся ее бывшему возлюбленному. Я как раз играла ту девушку. Роль была небольшая, всего пара предложений. И вот во время первого же спектакля мне вдруг показалось, что вместе со мной по сцене движется какая-то тень. Уйдя за кулисы, я обернулась, чтобы посмотреть, что там такое, но ничего не увидела. Тогда я посчитала случившееся за обман зрения. Однако на следующем спектакле все повторилось. Причем я даже смогла рассмотреть некий воздушный силуэт. Я со страхом ждала очередного выступления, думая, что опять увижу нечто странное, и не ошиблась. Хорошо, что спектакль мы отыграли всего три раза. Я вздохнула с облегчением после третьего выхода, но, как оказалось, зря. Потому что тень стала следовать за мной и на улице, и дома. Она буквально сводит меня с ума! – Маргарита замолчала и, нервно теребя пальцы, устремила на Сашу взгляд, полный мольбы.

– Значит, вы видите силуэт девушки? – уточнил Громов.

– Мне так кажется. Вернее, до определенного момента я не могла понять, что именно вижу, а потом... потом все прояснилось.

Женщина снова умолкла.

– Прояснилось что? – недоуменно переспросил Саша.

Маргарита быстро посмотрела на мужа и вновь уставилась на Александра. И он подбодрил рассказчицу:

– Говорите же! Не нужно ничего скрывать.

– Говори, – подбодрил супругу и Торгов.

– В общем, после того как я поняла, что призрак преследует меня, – смущенно продолжила актриса, – я решила обратиться к медиуму, чтобы узнать, кто за мной ходит, и записалась на сеанс столоверчения.

– На сеанс столоверчения? – недоверчиво воскликнула Людмила.

Маргарита вздрогнула от неожиданности. Она, видимо, забыла, что в кабинете присутствует еще один человек.

– Да, а что такого? – пробормотала женщина. – Так многие делают.

– И где же вы нашли медиума?

– Нас познакомила моя подруга, Полина Веселова. Сама она уже не раз обращалась за помощью к медиуму, и всегда удачно.

– Вашу приятельницу тоже преследуют призраки?

– Нет, там другая проблема. Полина считает, что ее мама где-то закопала клад, доставшийся ей от прабабки, и не успела об этом рассказать, поскольку внезапно умерла – попала под машину, – пояснила Маргарита.

– С кладом пока повременим, – попросил Саша. – Давайте о столоверчении. Как я понимаю, на сеансе произошло нечто, что позволило вам приблизиться к разгадке причины появления призрака?

– Не совсем так. Но кое-что действительно случилось. Рассказывать подробно?

– Если можно. Я должен понять, что за чертовщина с вами происходит.

– Хорошо, – кивнула Марго. – К медиуму мы поехали ближе к полуночи...

Глава 7

– Проходите, – безучастным голосом произнесла невысокая женщина с мелкими чертами невзрачного лица.

Маргарита с опаской огляделась. Полина же вполне уверенно вошла в квартиру и сняла пальто.

– Чего застыла? – шепнула Веселова подруге. – Не мнись на пороге.

Актриса торопливо шагнула в квартиру, и хозяйка закрыла дверь.

– Добрый вечер, – только сейчас проговорила медиум и, не дожидаясь, пока посетительница разденется, направилась в комнату.

– Она всегда такая? – спросила Марго у подруги.

– Какая – такая?

– Словно рыба. Вялая, как будто сонная.

– Ну, не всем же быть активными, как ты, – хохотнула подруга. – Наверное, это признак медиума. Во всяком случае, я здесь третий раз, и Лионела выглядела точно так же.

– Значит, ее зовут Лионела... Это настоящее имя женщины?

– Понятия не имею. Да и какая разница? Главное, чтобы человек был хороший.

Маргарита с сомнением посмотрела на приятельницу, но больше ничего не сказала. Теперь уже поздно что-то говорить. Она у медиума, и ей предстоит узнать, по какой причине ее преследует призрак. Ну, или нечто похожее на него.

В комнате было очень темно – Лионела плотно задернула шторы, так что ни единый луч света не проникал внутрь. Даже свет фонарей не в силах был преодолеть толстую, плотную ткань. Посреди помещения стоял небольшой круглый стол и вокруг него три стула. Лионела уже сидела на одном из них и с тем же безучастным видом смотрела прямо перед собой. Так она провела несколько минут, а потом придвинула к себе свечку и зажгла ее большой спичкой.

– Садись, – подтолкнула Марго Полина.

Актриса опустила на один из стульев и устала на Лионелу. У нее создалось впечатление, что женщина вообще не понимает, кто перед ней и зачем они все трое здесь. Полина села на третий стул и взяла одной рукой руку Маргариты, а другой – медиума. Маргарита сообразила, что надо делать, и протянула ладонь Лионеле, с удивлением отметив, что рука у той сухая и теплая, а не влажная и холодная, как ожидала, помня свое сравнение хозяйки салона с рыбой.

– Прошу вас оставить все посторонние мысли за пределами этой комнаты, – еле слышно заговорила Лионела, – и думать только о том, что вас действительно волнует. Чей дух мы будем вызывать?

– Видите ли, я не знаю, что это за дух, – четко, актерским голосом сообщила Маргарита. Медиум поморщилась:

– Не так громко, пожалуйста. Уточните, чего именно вы не знаете?

– Меня преследует некий призрак, но я понятия не имею, откуда он взялся.

– Значит, неведомый дух, – слегка кивнула Лионела и закрыла глаза. – Расслабьтесь... Не давайте своим мыслям мешать нашему сеансу. Закройте глаза и представьте тот самый дух, о котором вы хотите получить информацию.

Маргарита зажмурилась. Ей стало немного страшно. В голове возникали одна за другой картины – театр, подъезд, Аркадий, сидящий за кухонным столом... Но представить себе некий бесплотный дух она так и не смогла.

– Расслабьтесь, – снова донеслось до нее. – Если так напрягаться, ничего не получится. Думайте о чем-нибудь приятном, и тогда нужные мысли сами найдут к вам дорогу.

Маргарита так и сделала. Понятнее устроилась на стуле и стала вспоминать, как ездила с Аркадием в Грецию. В Греции супруги отдыхали несколько раз, но последняя поездка была

особенной. В отеле оказалось очень много интересных мужчин, которые постоянно делали Марго комплименты. А что женщине и актрисе может быть более приятно, чем чужое внимание? Нет-нет, она очень любила своего мужа, но обыденность мало располагает к романтике. А так хочется хотя бы иногда почувствовать себя единственной и неповторимой.

Она не заметила, как заулыбалась в ответ своим мыслям. Отдыхать – это здорово. Это совсем не то, что привычные будни. Это новые впечатления, эмоции, новые города и страны. Дома тоже хорошо, но хочется разнообразия. И тепла. Особенно зимой, когда за окном минус двадцать. Аркадий совсем нежадный, супруг два-три раза за зиму старается вывозить ее в теплые края, и тогда она с утра до вечера валяется на теплом песочке, подставляя тело теплым солнечным лучам.

А потом и домой возвращаться не очень грустно. Правда, дома Марго почти не видит мужа. Разве только вечером, когда пора ложиться спать. Она-то ранняя пташка, поэтому укладываться в постель предпочитает не позже одиннадцати. Аркадий же может бодрствовать до двух часов ночи, а утром мчится на работу, чмокнув супругу в щеку. В общем, все у нее хорошо, просто замечательно. Вот если бы еще не мучил странный призрак...

На этой мысли Маргарита внутренне сжалась. Она совершенно явственно увидела перед собой некую бледную тень и даже слегка отшатнулась, чуть не вырвав свою руку из ладони Лионелы. А медиум неожиданно подалась вперед и хрипло вскрикнула. Марго испуганно распахнула глаза. Полина тоже уставилась на хозяйку салона. Из горла женщины вырывались какие-то непонятные слова и хрип – тихий, скрежещущий, бьющий по нервам.

Актриса посмотрела на подругу, чтобы понять, так ли должен проходить сеанс вызова духа. Но та недоуменно глядела на Лионелу. Значит, что-то пошло не по плану. Марго тут же расстроилась. Видимо, не суждено ей узнать имя «своего» духа.

Между тем Лионела еще раз вскрикнула и без чувств повалилась на стол. Маргарита вскочила, бросилась к стене и щелкнула выключателем. Медиум тяжело дышала. Полина осторожно потрясла ее за плечо, но женщина как будто ничего не чувствовала.

– Ну, и что нам делать? – чуть не плача, спросила актриса.

– Может, «Скорую» вызвать? – с сомнением отозвалась Полина.

Но пока они стояли и размышляли, Лионела пришла в себя – тихонько застонала и начала подниматься. Затем тихо спросила:

– Что случилось?

Маргарита лишь пожала плечами.

– Как-то мне нехорошо, – пробормотала медиум. – Сердце прямо заходится.

– У вас проблемы с сердцем? – участливо поинтересовалась Полина.

– Да, и уже давно, – вполне обыденно сообщила Лионела. – Вызов духов довольно тяжелая нагрузка на организм, врачи рекомендовали мне бросить это занятие. Но на что я тогда буду жить?

Актриса с жалостью смотрела на женщину. Такая молодая, а уже проблемы со здоровьем.

– Я что-нибудь говорила, пока находилась в трансе?

Полина покачала головой.

– Вы что-то видели? – осторожно спросила Маргарита.

– Да, девушку. Молодую, почти девочку.

– Кто она?

– Я не знаю, как ее зовут. Если только прозвище. Вроде бы ее называли дочь командарма. Вам это о чем-то говорит?

– Нет, ни о чем, – растерялась Маргарита.

– Странно... – пробормотала Лионела. – Обычно призраки не приходят абы к кому.

– И что мне теперь делать?

– Попробуйте договориться с ней.

– С кем?
– С девушкой.
– Вы сейчас говорите о призраке? – уточнила Марго.
– Конечно. О ком же еще?
– А как мне с ней договориться? Я ее толком даже и не вижу. Только тень.
– Сие мне неведомо. Возможно, нужен еще один сеанс, чтобы получить более конкретную информацию.

– Так, может, проведем его?
– Не сегодня, – покачала головой Лионела. – И даже не на этой неделе. Я должна восстановиться, иначе сердце может не выдержать.

Пришлось Маргарите и Полине откланяться, так ничего толком и не узнав...

– Занимательная история, – пробормотал Александр, когда новая клиентка закончила рассказ. – Вы считаете, что прозвище, которое назвала медиум, правда?

– Я ничего не считаю. Я просто передаю факты.

– Дочь командарма... – задумчиво повторил Саша и перевел взгляд на окно.

Громов уже слышал эти два слова когда-то давно, когда разбирался со сталинской эпохой. И точно знал: они должны ему о чем-то сказать. Нужно только чуть-чуть поднапрячь память и вспомнить, что именно.

– Так мы договорились? – услышал Александр голос Аркадия.

– Да, договорились, – выйдя из задумчивости, кивнул Саша. – Если можно, я подъеду завтра к вам домой, осмотрюсь на месте, а потом уже буду думать, с чего мне начать.

– Отлично! – обрадовался Торев и положил на стол пачку денег. – Это аванс. Надеюсь, на первое время хватит.

Глава 8

Людмила въехала на мост и через несколько минут затормозила на Берсеневской набережной возле легендарного дома номер двадцать. Александр с любопытством поглядывал по сторонам. Он много раз проезжал мимо этого места, но ни разу не бывал в непосредственной близости от здания.

Вчера вечером Саша кратко просмотрел материалы, связанные с домом, но в подробности пока решил не вникать – чтобы не уйти в сторону от настоящих событий. Так что ограничился самой сухой информацией с минимальным набором фактов.

Громов знал, что дом расположен на так называемом Болотном острове, который изначально островом как таковым вообще не являлся. Раньше этот район постоянно подтоплялся, оттого его и прозвали Балчуг – то есть грязь, болото. А после того как половодьем были повреждены опоры Большого Каменного моста, для их ремонта вода Москвы-реки была отведена каналом. Так и образовался остров. Сегодня ничто не напоминает о бывших болотах, осталось только название.

Дом, в котором проживали Аркадий Торov с супругой, вблизи выглядел еще основательнее, чем из окна общественного транспорта. Контур здания чем-то напоминали корабль – такой же массивный и внушительный. Десятый подъезд ничем особенным не отличался. Подъезд как подъезд, такой же, как и все остальные.

Саша остановился перед дверью и прислушался к своим ощущениям. Ему вдруг показалось, что он должен почувствовать нечто таинственное, присущее именно этому месту. Но ничего необычного так и не испытал.

- Ты чего застыл? – спросила Люда, нетерпеливо переминавшаяся с ноги на ногу.
- Нет, ничего, – мотнул головой Александр и потянул на себя дверь.

В подъезде было светло и чисто. Рядом с входом стоял стол, а за ним восседал внушительного вида парень в форме защитного цвета. Саша уставился в мрачное лицо охранника. Да, допустить, что кто-то из посторонних мог незаметно прошмыгнуть мимо него в подъезд, было невозможно.

- Вы к кому? – грозно спросил охранник.
- К Торovым.
- О встрече договаривались?
- Да, нас ждут.
- Минутку...

Секьюрити придвинул к себе телефон.

– Добрый день, это Павел, охранник, – заговорил он, когда на том конце провода взяли трубку. – К вам посетители. Как вас зовут? – Парень прикрыл рукой микрофон и посмотрел на Сашу.

- Александр Громов, – назвал тот.

Павел нажал на кнопку отбоя и сообщил:

- Госпожа Торova готова вас принять. Она слышала, как вы представлялись.
- Мы можем пройти? – Саша сделал пару шагов к лестнице.
- Обождите. Предъявите документы, пожалуйста.

– Документы?! – Александр остановился и удивленно уставился на охранника. – Но ведь нам разрешили войти!

- Разрешили, – кивнул Павел. – Но откуда я знаю, что вы тот самый Александр Громов?

Саша хмыкнул и полез в карман за паспортом. Бдительный секьюрити несколько раз посмотрел то в документ, то на владельца и наконец милостиво кивнул:

- Проходите.

Александр забрал паспорт и направился к лестнице. Люда двинулась за ним.

– А вы куда? – строго спросил охранник, преградив ей путь.

– Это со мной, – пояснил Саша.

– Документы, пожалуйста!

Людмила хмыкнула и достала из сумочки «корочки». Павел внимательно изучил их, неодобрительно посмотрел на Люду, но в конце концов сказал:

– Проходите.

При этом несколько раз оглядел посетительницу с головы до ног. Ничего, кроме удивления, видимо вызванного стилем ее одежды, в его взглядах Саша не заметил. А надо сказать, что одевалась его подруга весьма экстравагантно – высоченные каблуки, короткая юбка и глубокое декольте. Многих мужчин ее наряды вводили в ступор, но Люду это ничуть не смущало.

– Скажите, вы всех так проверяете? – не утерпел Громов, поднявшись на несколько ступеней.

– Только в первый раз, – ответил Павел. – У меня хорошая память на лица.

– И вы здесь круглосуточно?

– Вовсе нет. С двенадцати ночи до шести утра дежурства нет. Уходя с поста, я запираю подъезд, а припозднившиеся жильцы открывают дверь своим ключом. В остальное время мы с напарником дежури́м по очереди. Правда, чаще все-таки приходится дежурить мне. У него вечно что-нибудь случается – то тетка заболела, то собака сдохла.

– Да, мимо такого точно мышь не проскочит, – отметил Саша, шагая по лестнице.

– Сразу выучку видно, – согласилась Людмила. – Наверняка парень прошел хорошую подготовку. Впрочем, здешние жильцы вполне могут себе позволить нанимать на службу профессионалов.

– Ты считаешь, здесь живут только обеспеченные люди?

– В основном – да. Я слышала, здесь такие площади... И еще много чего.

– Кажется, нам сюда. – Саша остановился перед дорогой деревянной дверью.

Не успел утихнуть звонок, створка распахнулась, и на пороге возникла Маргарита:

– Проходите, я давно вас жду.

Между прочим, дверь только с первого взгляда казалась деревянной – под тонким лаковым слоем блестел металл, причем явно отличного качества. Кроме того, Саша насчитал несколько замков, один из которых не имел отверстия для ключа. Значит, открывался как-то иначе.

«Интересно, зачем им такая крепость?» – подумал Громов. – Вполне достаточно и цербера на входе».

Но долго на эту тему размышлять не стал.

Маргарита пригласила посетителей в комнату, и Александр, скинув обувь, направился вслед за ней. Люда с любопытством оглядывалась по сторонам. Ей, как и любой женщине, было интересно все, что связано с интерьером и прочими милыми сердцу дам делами.

– А эту прелесть вы сами делали? – не выдержала она, указав пальцем на потолок.

– Вы о чем? – обернулась Маргарита. – Ах, о росписи... Нет, конечно. Здесь во многих квартирах подобные художества. Говорят, авторы плафона – художники-реставраторы из Эрмитажа. Когда мы затеяли ремонт, у нас даже мысли не возникло, чтобы похоронить такое произведение искусства под слоем штукатурки. Аркаша нашел умельцев, и те подновили роспись, хотя до нашего вселения рисунок почти стерся. Кстати, полы тоже «родные», – сообщила хозяйка и топнула ножкой по паркету.

– Хотите сказать, это настоящий дубовый паркет? – недоверчиво спросила Люда.

– Именно! Ну, а в остальном мы придерживались современных вкусов и благ цивилизации. Думаю, теперь вы понимаете, что никакие привидения в мире не заставят нас выехать из этой квартиры?

– Я бы тоже не уехала, – кивнула Людмила. – Я бы боролась до конца.

– Собственно, поэтому мы к вам и обратились.

Громов только сейчас обратил внимание, что Маргарита сегодня выглядит чуть лучше, чем вчера. Во всяком случае, в глазах уже не было того дикого страха, который он заметил накануне.

– Как ваш призрак? – шутливо спросил Саша. – Не очень докучает?

– Вчера я его не видела, – сообщила женщина. – Думаю, он вас испугался.

– В каком смысле?

– Вряд ли кому-то понравится, если начнут копаться в его личной жизни. Даже призраку. Я об этом думаю уже второй день, и у меня даже настроение улучшилось.

– Считаете, призрак решил от вас отстать только потому, что я согласился его вычислить? – удивился Саша.

– А почему бы и нет? Во всяком случае, вчера не появлялся. Правда, я весь вечер была с Аркашей. Муж проводил меня в театр и даже дождался конца спектакля. А потом мы пошли ужинать в ресторан.

– Получается, у вашего призрака просто не было возможности себя проявить, – с самым серьезным видом проговорил Александр.

– Вы так полагаете? А впрочем, все может быть, – добавила Марго и тут же расстроилась:

– Как я об этом не подумала? Впрочем, не буду грустить. Теперь моя судьба в ваших руках, и я вам верю.

Женщина тепло улыбнулась, и Саша вдруг решил, что ей скорее ближе к сорока, чем к двадцати. В ее взгляде сквозило слишком много грусти.

– С чего начнем? – спросила Маргарита, стоя посреди гостиной.

– Вы говорили, что призрак появляется и в квартире, – начал Громов.

– Да.

– Во всех комнатах?

– Честно говоря, уже и не помню. Знаю только, что в кухне его точно не было. Хотя я там почти не бываю.

– Хорошо, тогда поговорим об этой комнате. Здесь вы его видели?

– Я чувствовала.

– Поясните.

– Знаете, иногда возникает такое невесомое дуновение, будто легкий ветерок весенним днем.

– А конкретнее?

– Если я сижу на диване, то время от времени ощущаю легкий холод. Как будто мороз пробегает по коже. И занавески начинают трепыхаться.

– Так, может, это просто сквозняк? – усмехнулась Люда.

– Считаете меня наивной дурочкой? – укоризненно посмотрела на нее Маргарита.

– Вовсе нет, – поторопилась ответить та.

– Я была бы рада, если бы дело оказалось только в этом. Но окна я начала открывать только сейчас, когда установилась теплая погода, до этого мы берегли тепло. Да я и не люблю прохладный воздух, а потому редко открываю окна, даже для проветривания. Мне вполне хватает кондиционера. Нет, дело не в сквозняках. Сквозняки совсем другие.

– Допустим, – кивнул Саша. – Вы еще говорили что-то про гаснущие лампы.

– Это в библиотеке, – кивнула Маргарита. – Пойдемте.

Хозяйка вышла из гостиной и направилась в конец коридора. Александр не уставал поражаться размаху постройки советских времен. В этой квартире вполне могли ужить две-три семьи, даже не встречаясь друг с другом.

Библиотека оказалась чуть меньше гостиной. Здесь царил полумрак. По всему периметру тянулись огромные книжные шкафы. Возле окна стоял большой письменный стол с компьютером и оргтехникой. А рядом притулилась лестница на четыре ступени, наличие которой больше всего поразило Сашу, поскольку сразу он никак не мог понять ее предназначения. И только спустя несколько секунд его осенило – с помощью лестницы можно забираться на верхние полки шкафов. Надо же, совсем как в старину, когда высота потолков была на уровне современного второго этажа...

Немного погрезив о днях минувших, Громов сосредоточил свое внимание на речах хозяйки дома.

– Вот эта самая лампа. – Маргарита показала на небольшой торшер.

– Как он включается? – любопытствовал Александр.

– Очень просто. Нужно нажать на кнопку...

Торшер вспыхнул мягким теплым светом. Саша осмотрел его со всех сторон, пощелкал выключателем, перевернул и ощупал провод, словно разобрался в электротехнике.

– На первый взгляд все в порядке.

– То же самое и я вам говорила, – кивнула Марго.

– И часто лампа гаснет?

– Довольно-таки часто. Причем только в тех случаях, когда в библиотеке нахожусь я. С Аркашей никогда ничего подобного не случалось.

– Занимательный факт, – пробормотал Громов.

Люда ходила вдоль стеллажей и с интересом разглядывала книги.

– Вы много времени проводите в библиотеке?

– Да, – кивнула в ответ женщина и, подойдя к одному из шкафов, с любовью погладила корешки книг. – Здесь собраны экземпляры, которые достались мне от родителей. А тем от их родителей. Совсем скоро они станут раритетом. А дальше моя любимая классика. Я перечитывала эти издания раз, наверное, по двадцать.

– Не часто встретишь человека, который любит читать, – приподнял брови Саша.

– Я обожаю книги! – Маргарита даже покраснела от удовольствия. – Сколько себя помню – сижу на диване с каким-нибудь томом и читаю, читаю, читаю... Собственно, поэтому пошла в театральный институт – мне хотелось почувствовать себя на месте любимых героев. Правда, мои мечты сбылись только частично – все-таки для того, чтобы воплотить их в жизнь, нужно играть главные роли, а мне обычно достается что-то попроще. Но я не в обиде. В противном случае мне пришлось бы основную часть дня проводить на репетициях и за разучиванием текста. А так я вполне свободна и могу много времени посвящать чтению.

– У вас очень мало современных книг, – заметила Люда.

– Мне не очень нравится современная литература, – кивнула актриса. – Она какая-то пустая. Больше по душе политические интриги или военные романы.

– Весьма необычный выбор для женщины, – заметила Людмила.

– Почему же?

– Дамы больше любят лирику или легкие детективы.

– Это не по мне, – махнула рукой Марго.

Саша остановился у шкафа с классикой. Да, во вкусе госпоже Торовой не откажешь. «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Война и мир» Толстого, «Три товарища» Ремарка, Грибоедов «Горе от ума», «Дом на набережной» Трифонова. Дальше шли Джек Лондон, Хемингуэй, сочинения Чехова, Тургенева... Он сумел разглядеть корешки только тех книг, которые стояли на уровне его глаз. Клиентка неожиданно перестала казаться ему легкомысленной трусихой, вместо этого к ней невольно возникло уважение.

– Собственно, чаще всего я ощущаю присутствие некой странной субстанции в этих двух помещениях, – продолжала хозяйка дома. – А в остальных комнатах почти никогда. Если

только изредка. Да и то я стараюсь списать возникающий в душе негатив на расстроенную психику.

– Вы относитесь к себе критично, – заметил Громов.

– Если бы я была другой, мне не удалось бы столько лет продержаться рядом с Аркашей, – задорно улыбнулась Маргарита. – У мужа очень высокие требования к женщинам. Его не слишком интересует внешность, самое главное – внутренний мир. Вы меня понимаете?

– Вполне.

Александр действительно понимал. Если бы Людмила при ее броской внешности оказалась пустышкой, он бы давно потерял к ней интерес. Саша, наоборот, не понимал мужчин, которые ценят в представительницах противоположного пола только оболочку. Для того чтобы любоваться внешностью, можно повесить на стены портреты дам, чья красота радует глаз. А женщина, которая находится рядом, должна быть теплой, чувственной и настроенной на одну с тобой волну.

– Хотите увидеть что-то еще? – спросила Маргарита.

– Если только это связано с вашими переживаниями.

– Пожалуй, в нашем доме больше нет ничего интересного в этом смысле. Чаще всего я сталкиваюсь с призраком за пределами квартиры. Особенно меня пугают лестницы и пустынные улицы. Там я чувствую себя абсолютно незащищенной.

– Мне всегда казалось, что призраки не способны на кровожадные поступки, – заметил Александр.

– Вполне возможно, – кивнула собеседница. – Но от этого мне не становится менее страшно. Пойдемте, я напою вас кофе.

Она вышла из библиотеки и направилась в кухню.

– Если честно, то уже который день я ожидаю чего-то плохого, – продолжала Марго, идя по коридору. – Мне все время кажется, что-то вот-вот должно случиться. И хотя умом я понимаю, что это не более чем мои страхи, ощущение приближающейся опасности не дает мне покоя. Только сегодня я чувствую себя более-менее сносно. А до этого была как натянутая струна. Мне почему-то кажется, что призрак хочет до меня что-то донести. Но что именно? И как мне его понять?

– Разберемся, – заверил Саша. – Самое главное, ничего не бойтесь. Если до сих пор с вами не произошло ничего дурного, то уже и не произойдет. А с призраком, повторяю, мы попробуем разобраться.

– Хотелось бы в это верить.

Хозяйка распахнула на своем пути стеклянные двери и вдруг застыла на пороге, устремив взгляд на одну из стен.

Из-за ее плеча Саше не было видно, что так привлекло внимание женщины, но оно явно выбило ее из колеи. Актриса сильно побледнела, затем схватилась за горло и стала медленно оседать на пол.

– Что с вами? – закричал Громов, едва успев ее подхватить на руки.

А Маргарита коротко всхлипнула и потеряла сознание. Александр не смог сразу попасть на кухню, чтобы узнать причину ее обморока, сначала был вынужден метаться по комнатам в поисках дивана. И только пристроив наконец женщину на кожаных подушках, помчался обратно.

Люда с самым мрачным видом разглядывала некий рисунок, едва проступавший на белоголубых обоях. Громов мог бы поклясться, что этот рисунок вовсе не был задуман дизайнером-изготовителем, поскольку совсем не вписывался в общую канву узора. Да и выполнен он был в серо-черных тонах, а не в светлых, как основное изображение. Саша никак не мог понять, что означают эти линии. И только когда отошел к двери, встал на то место, откуда рисунок открылся Маргарите, явственно разглядел изображение... веревки с петлей на конце.

Вздрыгнув, Александр протер глаза. Но рисунок не исчез. Откуда он тут взялся? Что за чертовщина?

Люда по-прежнему разглядывала темные линии на бело-голубых обоях, а потом зачем-то потрогала стену рукой.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросила она, оборачиваясь к Саше.

– Ничего, – помотал тот головой.

– Похоже, Маргарита рано радовалась. Ее призрак вовсе не отступил, а, наоборот, начал наступление. Если бы только знать, зачем ему это надо...

– А меня больше всего интересует петля. Как думаешь, это предупреждение, угроза или вообще шутка?

Люда молча пожала плечами.

За спиной послышались осторожные шаги, и Саша торопливо обернулся, ожидая чего угодно. Но увидел Маргариту.

– Он все еще там? – испуганно спросила женщина и остановилась.

Александр с облегчением выдохнул. Не хватало еще заразиться мнительностью клиентки. Хотя теперь и ему вряд ли будет спокойно на улицах. Во всяком случае, пока.

– Вы имеете в виду рисунок? – поинтересовался Громов.

– Ага.

– Там.

– Боже мой, как страшно! – На глазах актрисы появились слезы. – Как вы думаете, что это может означать?

– Вряд ли оно что-то означает. Просто очередная глупая выходка вашего призрака.

– Ничего глупого я тут не вижу, – отрезала Марго. – Наоборот! Повторяю: что-то должно случиться. Я все время чувствовала это. Наверное, дни мои сочтены, вот почему мне стали являться души из другого мира.

– Перестаньте! – рассердился Громов. – Вам еще жить да жить!

– Вот увидите, – не унималась женщина, – это явно предупреждение. Только я не хочу закончить свою жизнь в петле!

Видя, что у Маргариты начинается истерика, Александр увел ее в комнату и снова уложил на диван.

– Я поищу чего-нибудь выпить, – подала голос Людмила. – Хорошая порция алкоголя никому из нас не помешает.

Следующие полчаса они занимались тем, что успокаивали хозяйку дома. Как ни странно, но коньяк, который Люда отыскала на кухне, подействовал противоположным образом – вместо того чтобы успокоиться, Маргарита еще больше разволновалась. Теперь им пришлось выслушивать речи по поводу ее завещания и пожелания о наряде, в котором ее следует похоронить. В итоге актриса бросилась к шкафу, чтобы продемонстрировать нужное платье, и – неожиданно утихла. То ли просто устала плакать, то ли вид одежды подействовал на женщину волшебным образом, но Марго вдруг успокоилась и вполне разумно спросила:

– Что мне теперь делать?

– Ничего, – пожал плечами Александр. – Пока я не могу дать вам никакого совета. Постарайтесь не оставаться одна. Будьте поближе к мужу и окунитесь с головой в работу.

– А может, это чья-то шутка? – предположила Люда.

– Шутка?! – недоверчиво уставилась на нее Маргарита. – Вы считаете, что можно так шутить?

– Ну, мало ли...

– А я не знаю никого, кто был бы на подобное способен, – твердо заявила актриса.

Людмила многозначительно кашлянула. На ее взгляд, подвоха можно ожидать от кого угодно. Даже от самого близкого человека. Сама она жила по этому принципу, потому никогда не разочаровывалась в людях.

– Теперь я не смогу войти на кухню, – пожаловалась Маргарита, накинув теплую кофту. – А ведь я обещала напоить вас кофе!

– Пойдемте вместе, – предложил Саша.

– Ни за что! – замотала головой хозяйка.

– Но ведь вам придется остаться в квартире.

– Я что-нибудь придумаю. Может, повешу на дверь кухни замок.

Люда хмыкнула. Идея не показалась ей удачной.

– Все-таки лучше сделать над собой усилие и побороть страх, – продолжал настаивать Александр. – Знаете, как говорят: клин клином выбивают.

Маргарита испуганно уставилась на него и ничего не сказала.

– Давайте руку, я вам помогу, – предложил Громов.

Затем сам взял женщину за руку и потянул за собой. В дверях кухни остановился и раскрыл рот от изумления: бело-голубые обои были абсолютно чисты. Маргарита с опаской заглянула внутрь, подбежала к стене, зачем-то потерла ее, а потом рухнула на стул.

– Ничего не понимаю... – пробормотала она, и Саша согласно кивнул.

Ситуация явно выходила из-под контроля.

Глава 9

– Шурик, ты сидишь? – послышался Людин голос в телефонной трубке.

– Сижу, – ответил Громов, продолжая внимательно смотреть на экран ноутбука. Всю оставшуюся половину дня он изучал информацию, касающуюся дома номер двадцать по Берсеневской набережной.

– Тогда возьми руками за стул, да покрепче. И смотри не упади!

– Что случилось? – разом похолодел Александр.

«Если с Маргаритой произошло несчастье, – подумал он, – никогда себе этого не прощут. Нужно было остаться с ней или отправить ее к подругам, а не бросать одну в квартире непонятно с кем... или с чем».

– Мне только что пришла ориентировка. Труп в тринадцатом подъезде интересующего нас с тобой дома.

– Как ты меня напугала... – с облегчением вздохнул Саша. – Я уж было решил...

– А что тебя так радует? – перебила его Люда. – Труп, он и есть труп, и неважно чей.

– Ты права, – согласился Александр. – Так что там с трупом? Какой-то криминал?

– Вроде бы нет.

– А чего же ты разволновалась?

– Угадай с трех раз, какова причина смерти пожилой женщины?

– Так это женщина?

– Да.

– Умерла от старости? – предположил Громов.

– Вряд ли бы я стала звонить тебе по такому поводу.

– Бытовая разборка?

– Осталась последняя попытка.

– Люда, я не знаю. Если хочешь поиграть в угадайку, то ты выбрала неподходящий момент. Я работаю.

– Женщина повесилась, – чуть ли не по слогам произнесла Людмила и замолчала.

– Что? – изумился Саша.

– Повесилась, говорю!

– Каким образом?

– Думаю, с помощью веревки и петли.

– Подожди, дай переварить информацию.

– Некогда переваривать. Я сейчас еду на место происшествия. Ты со мной?

– С тобой, – тут же принял он решение.

– Тогда поторопись. Буду ждать тебя там. На улице, у подъезда.

Теперь дом казался Громову не только мощным и величественным, но еще мрачным в своем могуществе и одновременно бессилии перед всем, что в нем происходит. Саша снова вышагивал вдоль подъездов, и остатки его уверенности в том, что призрак может быть только плодом воображения Маргариты, таяли с каждой минутой.

Возле подъезда Люду он не приметил, но только подошел к двери, как сзади раздался скрип тормозов и послышался короткий гудок.

Саша обернулся. С пассажирского сиденья автомобиля вылезал Валентин Петрович Рощин собственной персоной. Видимо, Люда уже успела рассказать о том деле, в которое они ввязались, своему помощнику. Правда, называть мужчину ее помощником было, мягко говоря, неправильно. Таковым он числился по документам, а в действительности как раз и управлял всем отделом, начальница же пока только перенимала нужные навыки.

– Пойдемте, – кивнула Громову и Рощину Людмила, процокав мимо них на своих двенадцатисантиметровых каблуках.

В квартире старушки было многолюдно. Несколько человек ходили туда-сюда и что-то осматривали. Возле открытого окна стоял седой мужчина, бледный и потерянный. Он периодически бросал быстрые взгляды то на посторонних людей, то на тело женщины, все еще висевшее под потолком. Тут же валялась перевернутая табуретка.

Завидев Людмилу и Валентина Петровича, один из полицейских подошел к ним и стал тихо докладывать:

– Мы не стали снимать тело. Вас дожидались. По всему видно, смерть некриминальная. Следов насилия не обнаружено. Видимо, старушка сама встала на табуретку и свела счеты с жизнью.

– А это кто? – Рощин кивнул на пожилого мужчину у окна.

– Сын. Он и нашел труп.

– Давно висит? – Валентин Петрович заинтересованно посмотрел на тело.

– Несколько дней. Точнее не скажу. Только после экспертизы. Можно снимать?

– Сейчас... – Рощин обошел вокруг трупа, поднял табуретку, встал на нее, осмотрел потолок и только после этого дал команду убрать тело.

– Похоже, мы зря приехали, – констатировал он и с усмешкой посмотрел на Людмилу:

– Опять вам с Громовым что-то мерещится.

Начальница поморщилась:

– Я вовсе не имела в виду, что тут должен быть какой-то криминал. Речь идет о другом.

– Ага! О призраке, который решил избавиться от ни в чем не повинной старушки, – хмыкнул Рощин.

– Я этого не говорила.

– Ну-ну! Твой интерес исчерпан?

– Валентин Петрович, если вы не против, я бы хотела здесь задержаться, – твердо сказала Люда и посмотрела Рощину в глаза.

– Зачем?

– На всякий случай.

– Что ж, дело твое. – Людин помощник вздохнул: – Только вряд ли ты что-нибудь найдешь. Сева же сказал, смерть некриминальная. Или ты ему не доверяешь?

– Почему? Доверяю. Только это дело может выходить за рамки реальности. Боюсь, вы меня не поймете.

– Да все я понимаю! В молодости сам такой был. А потом понял, что не следует тратить драгоценное время на всякие глупости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.